

Хроники
Некрономикона

Мистические рисунки Барандаша Карандашча

Роберт Ирвин Говард

МИФЫ КТУЛХУ

АНТОЛОГИЯ ЛАВКРАФТИАНСКИХ УЖАСОВ

Хроники Некрономикона

Роберт Ирвин Говард

Мифы Ктулху

«Феникс»

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-445.1

Говард Р.

Мифы Ктулху / Р. Говард — «Феникс», — (Хроники
Некрономикона)

ISBN 978-5-222-40722-6

Роберт Ирвин Говард вошел в историю прежде всего как основоположник жанра «героическое фэнтези», однако его перу с равным успехом поддавалось все: фантастика, приключения, вестерны, историческая и даже спортивная проза. При этом подлинной страстью Говарда, по свидетельствам современников и выводам исследователей, были истории о пугающем и сверхъестественном. Говард – один из родоначальников жанра «южной готики», ярчайший автор в плеяде тех, кто создавал Вселенную «Мифов Ктулху» Г. Ф. Лавкрафта, с которым его связывала прочная и долгая дружба. Если вы вновь жаждете прикоснуться к запретным тайнам Древних – возьмите эту книгу, и вам станет по-настоящему страшно! Бессмертные произведения Говарда гармонично дополняют пугающие и загадочные иллюстрации Виталия Ильина, а также комментарии и примечания переводчика и литературоведа Григория Шокина.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-445.1

ISBN 978-5-222-40722-6

© Говард Р.
© Феникс

Содержание

Случай в Вильферском лесу	7
Волкоглав	11
Гадина из сна	28
Поверженный	33
Обитатель холма	38
Проклятье моря	51
Память покойницы	57
Могилы не надобно	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Роберт Ирвин Говард

Мифы Ктулху

Иллюстрации Виталия Ильина

Перевод: Григорий Шокин, Геннадий Корчагин, Мария Семенова

© Оформление: ООО «Феникс», 2023

© Иллюстрации: Ильин В., 2023

© Перевод: Шокин Г., Корчагин Г., Семенова М.

© Комментарии: Шокин Г.

© В оформлении обложки и титула использованы рисунки В. Ильина, а также И. Иванова и иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Случай в Вильферском лесу

Солнце село. На лес надвигались огромные тени. В странном полумраке позднего летнего дня я увидел, как тропинка впереди скользнула среди могучих деревьев и исчезла. Я вздрогнул и испуганно оглянулся через плечо. В милях позади осталась ближайшая деревня, в милях впереди уже ждала следующая.

Я оглядывался налево и направо, когда шел вперед, а потом оборачивался назад. И вдруг я замер, положив ладонь на рукоять рапиры, – хрустнувшая ветка сообщила о приближении какого-то мелкого зверя. Или животное было *крупным*?

Но путь вел вперед, и я пошел по нему, потому что, по правде говоря, мне больше нечего было делать. Вышагивая, я думал: «Не узнав наверняка, кто это шел, я так и буду от собственной тени шараться. Разве в этом лесу есть что-то еще, кроме смиренных рыскающих тварей божьих – оленей и родичей их? Что за глупые легенды у этих деревенских жителей!»

Так я и шел, и сумерки перешли в ночь. Замерцали звезды, листья деревьев шелестели под слабым ветерком. И тут я остановился, выхватив клинок, ибо впереди, за поворотом тропинки, кто-то *шел*. Слов я не мог разобрать, но акцент был странным, почти варварским.

Я отошел за большое дерево, и холодный пот покрыл мой лоб. Потом в поле зрения появился загадочный певец – высокий, худой человек, смутно различимый в полумраке. Я пожал плечами. Двухногих я не боялся. Я выскочил наружу, выставив клинок перед собой:

– Стоять!

Он не выказал удивления.

– Прошу, обращайтесь с этой острой штукой осторожно, приятель, – произнес он.

Устыдившись, я опустил оружие.

– Я новичок в этом лесу, – извиняющимся тоном произнес я. – Наслушался разговоров о разбойниках. Прошу прощения. Где лежит дорога в Вильфер?

– *Corbleu*¹, вы порядочно заплутали, – ответил он. – Нужно было забрать правее чуть позади. Я и сам иду туда – если не против моей компании, я вас сопровожу.

Я колебался. Но с чего бы мне?..

---

¹ Черт возьми (фр.)

– Прекрасно, я с вами. Кстати, меня зовут де Монтур, и родом я из славной Нормандии!

– А я – Каролюс ле Люп.

– Как, говорите? – вскричал я.

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Простите, – сказал я, – уж больно имя чудное! Разве *loup* не означает *волк*?..

– Мой род всегда славился как охотничий, – ответил он и не подал руки.

– Вы уж простите, что я так смотрю, – сказал я, когда мы шли по тропинке, – но в этом полумраке я даже не могу разглядеть ваше лицо! – Я уловил, что он посмеивается, хотя из темноты до меня не донеслось ни звука.

– На меня мало кто смотрит, – ответил он.

Я подошел поближе, а затем отпрянул в сторону, чувствуя озноб.

– Маска! – воскликнул я. – Почему вы носите маску, *m'sieu*?

– Это обет, – объяснил он. – Спасаясь как-то от своры гончих, я поклялся, что если мне удастся сбежать, то буду носить маску определенное время...

– От гончих, *m'sieu*?

– От волков, – быстро поправился он. – Я имел в виду волков.

Некоторое время мы шли молча, а потом мой спутник сказал:

– Я удивлен, что вы гуляете по этому лесу ночью. Мало кто ходит этими дорогами даже днем.

– Спешу достичь границы, – объяснил я. – С англичанами был подписан договор, и герцог Бургундский должен знать об этом. Люди в деревне пытались отговорить меня. Они твердили о свирепом волке, который якобы рыщет по этим лесам.

– Здесь тропа ответвляется к Вильферу, – промолвил мой спутник, и я увидел узкую, кривую тропинку, которую что-то не заметил, когда проходил тут прежде. Она вводила в самый мрак, под свод чащи. Я вздрогнул.

– Вам, чую, не по себе – хотите вернуться в деревню?

– Нет, – воскликнул я, – нет-нет! Идем дальше.

Тропинка была настолько узкой, что мы шли поодиночке, он впереди. Я хорошо его рассмотрел. Он был намного выше меня и худой, жилистый. Одет в костюм, напоминавший об Испании; у бедра висел длинный кинжал. Мой попутчик ступал широкими легкими шагами, почти бесшумно.

Затем он начал рассказывать о путешествиях и приключениях и поведал о многих землях и морях, которые повидал за жизнь, и о многих диковинных вещах. Так, под звуки его голоса, мы забредали все дальше и глубже в лес.

Я предположил, что он француз, но у него был очень странный акцент, не похожий ни на французский, ни на испанский, ни на английский, ни на какой-либо другой, который я когда-либо распознавал. Одни слова он произносил странно, а другие будто вообще не мог выговорить.

– А эта тропа – не из хоженных, не так ли? – поинтересовался я.

– Не из самых, – бросил он в ответ и тихо засмеялся. Я вздрогнул – как же было темно, как навязчиво шелестела листва в гуще ветвей!

– В этом лесу определенно живет нечто дурное, – не удержался я.

– Так говорят крестьяне, – отмахнулся мой спутник. – Но я не раз и не два хаживал по этим тропам – будь тут чудовище, я б его встретил, взглянул бы ему в лицо. Да только не видать что-то этого самого лица! – Подхватив новую тему, де Люп заговорил о безвестных порождениях тьмы; взошла луна, тени затрепетали среди деревьев. Он обратился к ночному светилу взгляд и проговорил:

– Поспешим! Надобно добраться до места назначения, прежде чем луна войдет в свой зенит. – И мы припустили по тропе почти бегом.

– Говорят, – добавил я запыхавшись, – что в этих лесах бродит оборотень!

– Кто знает... – ответил де Люп. – Есть древнее поверье, которое можно услышать от старух у камелька, – добавил он, – что если оборотня убить, когда он в шкуре волка, то он умрет. Но если расправиться с ним, когда он в обличье человека, – его полузвериная душа будет вечно преследовать убийцу. Поспешите же, луна почти в зените!

Мы вышли на небольшую поляну, освещенную луной, и незнакомец остановился.

– А теперь – небольшой привал, – произнес он.

– Ни к чему, пойдемте дальше! – запротестовал я. – Не нравится мне это место!

Он беззвучно рассмеялся.

– Что не так? Это прекрасная поляна. Она хороша как банкетный зал, и я много раз пировал на ней. А еще в банкетных залах зачастую танцуют, эх-ха! Смотри, смотри же на мой танец!

Мой юродивый спутник принялся совершать странные прыжки вокруг меня, то и дело запрокидывая голову и хрипло, утробно похохатывая. Ну что за досада! Нарваться на этого сумасброда в пути через лес!

Пока он выделял свои звериные коленца, я осмотрелся. *Тропа не шла дальше, а остановилась на поляне* – вот что до меня только что дошло!

– Идемте, – мягко позвал я, – нам пора. Разве вы не чувствуете сами, как здесь воняет шерстью? Неподалеку волчье логово. Возможно, голодное зверье уже спешит в нашу сторону!

Де Люп опустил на четвереньки, умудрившись каким-то образом остаться *выше* моей головы, и направился ко мне странным скольльзящим шагом.

– Этот танец называется «волкопляс», – прохрипел он, и у меня зашевелились волосы на затылке от страха.

– Не подходи! – Я стал пятиться прочь от безумца.

С пронзительным криком, подхваченным лесным эхом, он прыгнул на меня; хотя на поясе у него висел кинжал, он не схватился за него. Я почти вытащил рапиру из ножен, но тут он схватил меня за руку и повалил головой назад. Я потащил его за собой, и мы вместе покатились по земле. Освободив руку, я рывком сорвал с головы незнакомца маску – и с губ моих сорвался крик ужаса: под нею сверкали звериные глаза, в лунном свете сверкнули кипенно-белые клыки. *Это была морда волка.*

В одно мгновение вольчьи зубы щелкнули у самого моего горла. Когтистые пальцы вырвали рапиру из моей хватки. Стиснув кулаки, я принялся лупить по морде чудовища, но его челюсти все равно достали мое плечо, когти заскребли у самого горла. Я завалился на спину; мир померк от боли. Вслепую я нанес удар – рука опустилась, затем инстинктивной мертвой хваткой сомкнулась на торчащей рукояти кинжала, который я все никак не мог достать. Выхватив оружие, я нанес удар сверху вниз.

Ужасный полузвериный крик – и в следующее мгновение я уже был на ногах, освободившись от веса его тела. У моих ног, корчась, лежал оборотень.

Я наклонился, поднял кинжал, затем сделал паузу, посмотрел вверх. Луна висела близко к зениту. *Если я убью эту тварь как человека, ее страшный дух будет преследовать меня вечно.* Я сел и стал ждать. Тварь смотрела на меня горящими волчьими глазами. Длинные жилистые конечности судорожно изгибались; казалось, на них стремительно нарастает густая шерсть. Опасаясь потерять рассудок, я выхватил у ночного монстра его собственный клинок и зарубил его. Затем вонзил лезвие в землю и бросился бежать прочь.

Перевод Г. Шокина

Примечание

Рассказ написан в 1925 году. Первая публикация – журнал “Weird Tales”, август 1925-го. Является второй по счету профессиональной публикацией автора (первая – рассказ «Копье и

клык» (Spear and Fang), также в “WT”, в июле того же года, повествующий о быте пещерных людей).

Текст примечателен тем, что вполне мог бы стать прологом или вводной частью к написанному в том же году рассказу «Волкоглав»; сам по себе он – образец почти «ученической» работы писателя, виньетка, чьи главные достоинства могут быть не столь очевидны в отрыве от продолжения (см. комментарий к «Волкоглаву»). Тем не менее зачастую составители антологий отдают предпочтение именно «Случая...»; показательна история публикаций на русском языке: в период с 1990-х годов по настоящее время – десять изданий «Случая...» против пяти у «Волкоглава».

Волкоглав

Страх? Прошу прощения, господа, но подлинное значение этого слова вам неизвестно. Нет-нет, я останусь при своем мнении.

Вы – солдаты, искатели приключений. Вы знаете, как наступают полки драгун, как неистовствует овеваемое ветром море. Но страх – настоящий, пробирающий до мурашек, ужасающий страх – вам неведом. А вот мне довелось познать это запредельное чувство, и вряд ли кто-то еще изведает подобный ужас, покуда легионы тьмы не хлынут из адских врат и мировой пожар не поглотит всех нас.

Я расскажу вам эту историю, ибо это было много лет назад и на другом конце света, к тому же никто из вас никогда не видел человека, о котором я вам рассказываю. Не видел – и не увидит, и не узнает.

Вернитесь вместе со мной через годы к тому дню, когда я, безрассудный юнец, сошел в гавани с маленькой лодки, высадившей меня с корабля, проклял грязь, царившую на грубой пристани, и зашагал по причалу к замку, куда меня пригласил старый друг, дон Винсенте да Лусто.

Дон Винсенте был необычным и дальновидным человеком – сильным и смелым мужем, чьему взору открывались виды, недоступные его современникам. Возможно, в его жилах текла кровь тех древних финикийцев, которые, как рассказывают, в смутные эпохи правили морями и строили города в далеких землях. Его судьба была странной, но он был удачлив – мало кому пришли бы в голову подобные схемы обогащения, да и еще меньше народу на этом поприще достигло бы успеха. Ведь его поместье находилось на западном побережье темного, таинственного континента, озадачивавшего исследователей, – Африки.

У небольшой бухты он расчистил угрюмые джунгли, построил свой замок и склады и безжалостной рукой стал изымать богатства земли. У него было четыре корабля: три небольших судна и один вместительный галеон. Они курсировали от его владений к городам Испании, Португалии, Франции и даже Англии, груженные редким лесом, слоновой костью, рабами; тысячами диковинных богатств, которые дон Винсенте добыл торговлей и завоеваниями.

Да, дикая авантюра, еще более дикий быт – и все же он смог бы создать империю и в этой помраченной земле, если бы не крыса Карлос, его троюродный брат... Но я забегаю вперед в своем рассказе.

Все внимание сюда, господа, – пальцем, обмакнутым в вино, вывожу я на столешнице приблизительную карту. Здесь находилась маленькая гавань, а здесь – широкие причалы. Вот тут, по небольшому склону с хижинами, похожими на склады, с каждой стороны шел причал, а вот здесь он упирался в широкий, неглубокий ров. Через него проходил узкий разводной мост, а затем шел высокий частокол из бревен, врытых в землю. Он опоясывал весь замок по кругу.

Сам замок, построенный по образцу другой, более ранней эпохи, был прочным, но не отличался изяществом линий. Он был сложен из камня, привезенного издалека; годы труда и тысячи негров, работавших под плетью, укрепили его стены, и теперь, в завершенном виде, он выглядел почти неприступным. Таково было намерение его строителей, ведь на побережье свирепствовали берберские пираты, и перспектив туземного бунта было более чем достаточно.

Вокруг замка было расчищено пространство радиусом примерно в полмили, а через болотистую землю проложили дороги. Все это требовало огромного количества труда, но рабочей силы в тех краях хватало. Один щедрый подарок вождю племени – и он самолично погонит к вам своих людей. А уж португальцы знают, как заставить дикаря любить цивилизованный труд!

Менее чем в трехстах ярдах к востоку от замка протекала широкая, но мелкая река, которая впадала в гавань. Ее название совершенно вылетело у меня из головы. Это было напрочь дикарское название, и я никогда не мог произнести его.

Я обнаружил, что был не единственным другом, приглашенным в замок. Похоже, что раз в год или по какому-то особому поводу Винсенте привозил в свое одинокое поместье множество веселых компаньонов и кутил с ними несколько недель, чтобы компенсировать тяготы и одиночество остальной части года.

Была уже почти ночь, когда я ступил под своды замка; пиршество было в самом разгаре. Мне уделили немало внимания, со всех сторон меня оживленно приветчали уже знакомые люди и влекли в самую гущу чужаков, чтобы я со всеми перезнакомился. Признаться, я был слишком утомлен, чтобы принимать участие во всеобщем веселье, так что ел и пил без активного участия в беседах, слушал тосты и разглядывал веселый люд.

Я знал прелестную племянницу дона Винсенте – Изабеллу. Именно она была одной из самых существенных причин, по которой я принял приглашение приехать в этот тропический ад. Карлоса, троюродного брата дона Винсенте, я тоже знал и недолюбливал – это был скользкий, склочный тип, смахивающий на проныру-хорька. Здесь же пребывал старый мой приятель Луиджи Веренца из Италии и его сестрица-кокетка Марсита, по обыкновению строившая глазки мужчинам. Еще присутствовали невысокий коренастый немец, который представился как барон фон Шиллер, Жан Дезмарт, гасконский курносый дворянин, и дон Флоренцо де Севилья – тощий, смуглый, неразговорчивый человек, величавший себя испанцем и носивший рапиру почти такой же длины, как он сам.

Были там и другие мужчины и женщины, но за давностью лет всех их имен и лиц я точно не упомяну.

Лицо одного из присутствовавших почему-то притягивало мой взгляд, как магнит притягивает сталь. Это был худощавый мужчина чуть выше среднего роста, одетый просто, почти строго, и он носил меч почти такой же длины, как рапира испанца.

Но мое внимание привлекла не его одежда и не меч, а именно необычные черты. Его изысканный, высокородный лик был изборожден глубокими морщинами, придававшими ему изможденное, замученное выражение. На челюсти и лбу виднелись крошечные шрамы, как от когтей зверя; я мог бы поклясться, что в выражении узких серых глаз временами появлялся затравленный блеск.

Я наклонился к кокетке Марсите и спросил имя мужчины, так как у меня напрочь вылетело из головы, познакомили меня с ним или нет.

– Это де Монтур из Нормандии, – ответила она. – Ох уж и странный тип! Даже мне он, признаться, не по душе.

– Значит, твои чары для него пустой звук, маленькая ведьма? – пробормотал я. Наше длительное знакомство сделало меня одинаково невосприимчивым и к ее гневу, и к уловкам амурного толка. Но на сей раз она предпочла не сердиться и ответила мне лукавым взглядом из-под скромно опущенных ресниц.

Я много наблюдал за де Монтуром, чувствуя странное очарование. Он ел мало, пил много, говорил лишь тогда, когда к нему прямо обращались с вопросом.

Вскоре, когда тосты пошли по кругу, я заметил, что спутники призывают его встать и поднять бокал. Сначала он отказывался, но после их повторных настоятельных просьб встал и на мгновение молчаливо застыл с поднятым кубком. Казалось, он внушает собравшимся благоговейный трепет. Надсадно, сардонически захохотав, он поднял кубок над головой.

– За Соломона! – воскликнул он. – За царя, обуздавшего злых духов рать! И да будет он проклят троекратно – за то, что некоторым из духов этих удалось улизнуть!

Проклятье – и здравица разом! За это выпили молча, озадаченно косясь друг на друга.

В тот вечер я рано ушел на покой, утомленный долгим морским путешествием; голова кружилась от крепкого вина, которого в погребах у дона Винсенте хранилось столь много, что можно было напоить весь этот континент.

Моя комната находилась в самой высокой башне замка; из ее окна открывался чудный вид на тропики и реку. Покои были обставлены с грубым, варварским шиком – как и, в общем-то, все здесь.

Подойдя к окну, я взглянул на дозорного, вышагивающего по территории замка прямо внутри палисада; на расчищенный плац, залитый луной, – неприглядный, пустой; на лес за ним; на умиротворенно протекающую реку. Из туземных кварталов, расположенных недалеко от берега реки, доносилось сюда странное бречание грубой лютни, исполнявшей этническую мелодию.

В темных тенях леса какая-то жуткая ночная птица подняла насмешливый клекот. Зазвучали тысячи нот – птицы, и звери, и черт знает что еще! Какая-то огромная джунглевая кошка зашипела, заставляя волосы на затылке шевелиться. Я пожал плечами и отвернулся от окна. Наверняка в этих мрачных дебрях таились и самые настоящие дьяволы.

В мою дверь постучали, и я открыл ее, чтобы впустить де Монтура.

Он подошел к окну и посмотрел на луну – та так и переливалась безумной белизной.

– Почти полная, не так ли, *m'sieu*? – заметил он, повернувшись ко мне. Я кивнул – и могу поклясться, что в тот момент он вздрогнул.

– Прошу прощения, *m'sieu*, я более не смею вам досаждать. – Он повернулся, чтобы уйти, но у двери помедлил и вновь обратился ко мне. – Послушайте, – прошептал он ожесточенно, – что бы вы ни делали, убедитесь, что вы накрепко заперли свою дверь сегодня ночью!

Затем он ушел, оставив меня недоуменно смотреть ему вслед.

Я задремал. В моих ушах звучали отдаленные крики пирующих; хотя я был утомлен – а может быть, и благодаря этому, – спалось мне легко. Я так и не проснулся до самого утра, но сквозь пелену дремоты до меня доносились все эти звуки и шумы, а разок мне даже показалось, что в запертую дверь кто-то стучит и толкается.

Как и следовало ожидать, большинство гостей на следующий день «штормовались» и большую часть утра проводили в своих покоях. Помимо дона Винсенте, из всех мужчин трезвыми оказались лишь трое – де Монтур, испанец де Севилья и я. Де Севилья накануне не притронулся к вину, а де Монтур хоть и употреблял его в изрядном количестве, ни разу не выказывал, что на него выпитое хоть как-то влияет.

Дамы встретили нас очень любезно.

– По правде говоря, синьор, – заметила эта распутница Марсита, протягивая мне руку с грациозностью, заставившей меня хмыкнуть, – я рада видеть, что среди нас есть джентльмены, которым важнее видеться с нами, чем спать в обнимку с бутылкой вина. – Возмущенно тараща свои дивные глаза, она добавила: – Сдается мне, кто-то прошлой ночью был чересчур – или же недостаточно? – пьян, чтобы блюсти хорошие манеры. Ибо, если только бедные чувства не подводят меня, кто-то караулил меня у двери в спальню прошлой ночью!

– Ну надо же! – воскликнул я, тут же придя в ярость. – Какой-нибудь...

– Нет-нет! Не кричите так! – пресекла меня она, оглядываясь кругом, чтобы убедиться, что нас не подслушивают. – Не странно ли, что сеньор де Монтур, прежде чем уйти к себе, велел мне крепко запереть дверь?

– Чудно, – пробормотал я, но не стал говорить ей, что мне он советовал то же самое.

– И не странно ли, Пьер, что, хотя сеньор де Монтур покинул банкетный зал еще до вас, он имеет вид человека, который не спал всю ночь?

Я пожал плечами. Женские причуды часто бывают странными.

– Сегодня вечером, – сказала она плутовским тоном, – оставлю свою дверь незапертой нарочно – и посмотрю, кого удастся поймать.

– Ты не сделаешь ничего подобного!

Оскалив зубки в пренебрежительной улыбке, она показала мне маленький, но острый кинжал за оборкой платья.

– Де Монтур дал мне тот же наказ, что и тебе, чертовка, так что послушай меня: что бы он ни знал, кто бы ни бродил по коридорам прошлой ночью, целью его было скорее убийство, нежели любовное приключение! Так что держи дверь запертой, – попробовал я вразумить ее. – Ведь леди Изабелла делит с тобой комнату, не так ли?

– Вовсе нет – а служанку я отошлю на ночь в барак, – протянула Марсита, взирая на меня с проказливым прищуром.

– Послушать кое-кого – так девичья честь тебе вовсе не дорога, если, конечно, тебе еще есть за что трястись, – сообщил я со всей горячкой юношества и прямокой давнишнего товарища. – Ведите себя осмотрительней, юная леди, иначе как-нибудь надоумлю вашего брата бичевать вас в воспитательных целях.

Я отошел, чтобы засвидетельствовать свое почтение Изабелле. Гостя из Португалии была полной противоположностью Марситы – застенчивая, скромная молодая особа, пусть не такая красивая, но уж точно изысканная и миловидная – бесхитростного, практически детского нрава. Одно время я даже подумывал... эхма, молодо-зелено!

Прошу простить за отступление от темы – стариковские мыслишки частенько запутываются. Я-то лишь хотел рассказать о де Монтуре – о нем и о троюродном братце дона Винсенте.

...Итак, у ворот толпились вооруженные туземцы, которых держали на расстоянии португальские солдаты. Среди них было несколько десятков молодых мужчин и женщин: все голые, закованные в цепи по шее, – рабы, захваченные каким-то воинственным племенем и привезенные на продажу. Дон Винсенте лично осмотрел их. Затем последовали долгие торги и переговоры, от которых я быстро устал и отвернулся, удивляясь, что человек ранга дона Винсенте может унизиться, опустившись до работорговли.

Я уже собирался уйти, когда появился один из жителей близлежащей деревни и разразился длинной проповедью в адрес дона Винсенте.

Пока они разговаривали, подошел де Монтур. Вскоре дон Винсенте повернулся к нам и сообщил:

– Один из дровосеков деревни был разорван на куски леопардом или другим хищником прошлой ночью. Сильный молодой мужчина, неженатый.

– Леопард? Его видели? – вдруг спросил де Монтур. Когда дон Винсенте ответил, что тварь приходит и уходит ночью, а потому незрима, он поднял дрожащую руку и провел ею по лбу, как бы смахивая холодный пот.

– Послушай-ка, Пьер, – сказал дон Винсенте. – Тут у меня есть раб, который – чудо из чудес – очень уж хочет перейти к тебе в услужение. Хотя – один дьявол знает, с какой стати!

Он подвел ко мне стройного молодого паренька-джакри², чья заразительная улыбка отличалась белизной и редкой для рабов осмысленностью.

– Препоручаю его тебе, – благодушно произнес дон. – Он хорошо обучен, и из него выйдет прекрасный слуга. Но помни – раб выгоднее слуги: ведь ему нужна лишь похлебка, да тряпка на чресла, да посвист хлыста, напоминающий ему, где его место...

Вскорости я узнал, отчего Гола пожелал «перейти в услужение» именно ко мне, отдав моей персоне предпочтение перед всеми остальными: оказалось, из-за моих волос. Как и многие денди, в ту пору я носил длинные завитые локоны, ниспадавшие на плечи. Так получилось, что на вечеринке я был единственным мужчиной с такой прической; в дальнейшем Гола сидел и часами смотрел на меня в молчаливом восхищении. Его застывший взгляд быстро приводил меня в утомление, и я выпроваживал его.

Именно в тот вечер затаенная вражда между бароном фон Шиллером и Жаном Дезмартом взвилась настоящим пламенем! Как издавна повелось, причиной стала женщина – Марсита, заведшая с ними обоими флирт самого возмутительного толка. Она даже не задумалась о возможных последствиях своего поведения – ведь Дезмарт был неоперившимся молодым глупцом, а Шиллер – похотливым бывалым зверем. Но вы скажите мне, месье: где это видано, чтобы женщина свободного нрава задумывалась о последствиях? Взаимная неприязнь конкурентов за ее внимание разгорелась до убийственной ярости, когда немец полез к Марсите с лобзаниями.

Вскоре во дворе уже вовсю звенели шпаги, но прежде чем сам дон призвал кавалеров к благоразумию, Луиджи встрял меж сражающихся, выбил у обоих оружие и растолкал по сторонам.

– Синьоры, – проговорил он негромко, но с трепещущей в голосе яростью, – разве же подобает высокородным так сцепляться? Да еще и из-за кого – из-за моей сестры! Клянусь дьявольским перстом: вам обоим изрядно недостает ума! А ты, Марсита, немедленно отправляйся в свою комнату и не выходи оттуда, пока я тебе не разрешу.

Она повиновалась, потому что, несмотря на ее независимость, ни разу не была замечена в перебранке с братом, который из-за своей худощавой, юношеской комплекции часто казался недостаточно мужественным... но только не сейчас, в поистине тигрином напряжении, с убийственно сверкающими очами.

Оба джентльмена подали друг другу руки в знак извинения, но взгляды, которые они при этом бросали друг на друга, ясно указывали, что они пока не хотят забывать о ссоре и что та снова разразится при малейшем предлоге.

Той ночью я внезапно проснулся, продрогший от ужаса, с чудны́м, диким чувством на сердце. Откуда оно явилось – я не мог сказать. Поднявшись с кровати, я проверил, плотно ли заперта дверь.

Увидев Голу спящим на полу, я раздраженно окрикнул его. Он поспешно встал, потер заспанные глаза – и вдруг тишину нарушил дикий крик, эхом разнесшийся по всему замку. Поскольку то был крик девушки, застигнутой смертельным ужасом, охранник у частокола тут же всполошился. Гола хрипло вскрикнул и укрылся за диваном. Я распахнул дверь и побежал по темному коридору; в самом низу винтовой лестницы я на кого-то натолкнулся, и на пару с ним мы пересчитали немногие оставшиеся ступени. Когда из мрака посыпались одышливые

---

² Джакри (итсекири) – этническая группа в Южной Нигерии, расселенная вокруг города Варри.

извинения, я понял по голосу, что это был Жан Дезмарт. Я помог ему подняться на ноги и побегал дальше. Он последовал за мной.

Крики стихли, но теперь весь замок был в смятении – люди голосили, мечи звенели, зажигались тут и там огни, дон Винсенте зычно кричал на солдат, и гомон вооруженных людей, бегающих по комнатам и натыкающихся друг на друга, наполнил дом. Во всем этом смятении Дезмарт, испанец и я чудом достигли комнаты Марситы – и как раз в тот момент, когда туда ворвался Луиджи и заключил сестру в объятия.

Сюда же стекались прочие мужчины со свечами и оружием, наперебой спрашивая, что произошло.

Марсита неподвижно лежала в объятиях брата, ее растрепанные темные кудри падали ей на плечи, а элегантная ночная рубашка была в беспорядке, обнажая чудесное тело. На ее руках, ногах, груди и плечах виднелись глубокие зазубренные царапины.

Затем она открыла глаза. Дрожь пробрала ее, она начала дико визжать, еще крепче прижимаясь к Луиджи и причитая:

– Ох, эта дверь... эта дверь! Я оставила ее незапертой... было темно, и этот демон... он прокрался сюда, ко мне – я схватила кинжал, я попыталась убить его... но он вцепился в меня, бросил на пол, начал полосовать... о, я больше ничего не помню – но ужасный, какой же он был ужасный!..

– Кто-нибудь видел фон Шиллера? – гневно сверкая темными глазами, спросил де Севилья. Окружающие оглянулись – кроме немца, присутствовали все гости. Я заметил, как де Монтур посмотрел на девушку – его лицо выглядело еще более изможденным, чем обычно. Мне показалось странным, что у него одного не было при себе оружия.

– Итак, ищем фон Шиллера! – сердито воскликнул Дезмарт.

Половина присутствующих последовала за доном Винсенте в коридор. Мы начали с тщательного обыска всего замка – и нашли фон Шиллера в небольшом темном холле. Он лежал лицом вниз в темно-красном пятне, которое расползлось все больше и больше.

– Видать, какой-то дикарь добрался до него! – встревоженно пробормотал Дезмарт.

– Не городите чепухи, – буркнул дон Винсенте. – Ни один туземец не смог бы проникнуть в замок через солдатский кордон, да и все рабы ночуют в положенных им бараках за семью замками. Только Гола и горничная Изабеллы были в замке.

– Но кто еще мог сделать что-то подобное? – сердито воскликнул Дезмарт.

– Вы! – ответил я без колебаний. – Иначе почему вы так быстро выбежали из комнаты Марситы?

– Будьте прокляты за такой поклев! – прорычал он и тут же выхватил шпагу, наставив острие мне в грудь. Но, как бы он ни был быстр, испанец оказался быстрее. Рапира Дезмарта звякнула о стену, а сам он застыл, как каменная статуя, – холодное острие клинка испанца коснулось его горла.

– Свяжите его! – бесстрастно призвал де Севилья.

– Опустите свой клинок, дон Флоренцо, – велел дон Винсенте, подступив на несколько шагов ближе, чтобы придать своим словам убедительность. – Синьор Дезмарт, вы один из моих ближайших друзей, но здесь я – закон, и я должен выполнять свой долг. Вы даете мне слово, что не сбежите?

– Даю вам слово, – спокойно ответил гасконец. – Я действовал опрометчиво. Сожалею. У меня не было намерения бежать, но коридоры и пассажи вашего проклятого замка, видит Всевышний, способны свести с ума, если слишком долго блуждать по ним...

Из всех присутствующих, наверное, только один человек поверил его словам.

– Господа! – де Монтур шагнул вперед. – Этот молодой человек ни в чем не виноват. Переверните тело нашего германского гостя...

Два солдата сделали, как он приказал. Де Монтур вздрогнул и указал на труп. Мы, остальные, бросили на него беглый взгляд и от ужаса тут же отвернулись.

– Мог ли человек сделать что-то подобное?

– С кинжалом... – начал было кто-то.

– Ни один кинжал не наносит таких ран, – отрезал испанец. – Немец был разорван на куски когтями какого-то страшного зверя.

Мы оглядывались по сторонам, словно ожидали, что из тени на нас выпрыгнет некий отвратительный монстр. Мы обыскали весь замок – каждый фут, каждый дюйм. Но мы не нашли никаких следов присутствия предполагаемого хищного животного.

Вернувшись в свою комнату, я обнаружил, что Гола запер дверь, и потребовалось почти полчаса, чтобы убедить его впустить меня. Отругав негра за такое странное для дикаря малодушие, я рассказал ему, что произошло. Он худо-бедно понимал по-французски и мог отвечать на диком диалекте, который не без гордости считал речью цивилизованного человека. С отвисшей челюстью и белыми от ужаса глазами он слушал, как я приближаюсь к кульминации рассказа.

– Джуджу! – испуганно прошептал он. – Зверо-человеко-морок!

Внезапно мне пришла в голову одна мысль. Я слышал смутные рассказы, не более чем намеки на легенду, в которой говорилось о дьявольском культе леопарда, который вроде как существовал на западном побережье. Ни один белый никогда не видел его последователей, но дон Винсенте рассказывал истории о людях-животных, одетых в шкуры леопарда, которые бродили по джунглям в полночь, выискивая себе жертву, а если таковую находили – жестоко убивали и пировали ее плотью. Мне стало не по себе, и я схватил Голу за грудки.

– Это был человек-леопард? – попытался я, энергично встряхивая его при этом.

– Господин, господин! – трясаясь от страха, зашептал он. – Я ничего не сделал! Это все Джуджу, зверо-человеко-морок! Нельзя говорить про него много!

– Ну уж нет – ты расскажешь все, что тебе известно! – Ощувив вдруг приступ бешеной ярости, я начал трясти раба с такой силой, что он, перепуганный насмерть, пообещал мне выложить все как на духу.

– Они существуют!.. – начал он с выпученными от ужаса глазами. – Время звероловцев – ночью, в час круглого глаза луны! Однажды негр вышел ночью из хижины – его не нашли. Никаких следов. Большой господин, дон Винсенте, сказал про это: леопард. Но из черных ему никто не поверил. Не было леопардов! Это зверолов – он является, чтобы убивать! У него когти! Когда опять луна стала кругла, он забрался в одну из хижин на окраине. Разодрал горло женщине, убил ребенка. И все видели следы когтей – но опять большой господин им сказал: леопард! И потом снова луна стала круглой – и опять, и еще, и никто не видел следов леопарда – никто! Только человека следы! А теперь он здесь, в большом доме, у большого господина!

Я издал изумленный, недоверчивый возглас.

Гола еще раз подчеркнул, что сказал правду. Всякий раз человеческие следы цепочкой уходили прочь от места кровавой расправы.

– Тогда почему туземцы не сказали хозяину, чтобы он выследил преступника? – недоверчиво спросил я.

Гола понимающе посмотрел на меня и прошептал, подавшись вперед:

– Следы оставил человек в господских ботинках!

Даже если предположить, что Гола солгал, я почувствовал трепет необъяснимого ужаса. Кто же, по мнению туземцев, совершал эти страшные убийства?

И слуга ответил мне прямо:

– Дон Винсенте!

Голова у меня так и пошла кругом. Как же все это увязать? Кто на самом деле убил фон Шиллера и чуть не прикончил Марситу? Кто бы ни проник к ней, он явно хотел попросту расправиться с ней, а вовсе не надругаться над девушкой, как мы все поначалу решили.

Почему де Монтур предупредил нас? Очевидно, он знал о преступлении еще больше, потому что в конце концов ему удалось доказать нам, что Дезмарт невиновен.

Я вообще ничего больше не понимал.

Несмотря на попытки предотвратить утечку страшных подробностей, весть о резне распространилась среди туземцев. Они сделались беспокойными и нервными, и трижды в тот день дон Винсенте бил черных плетью за отлынивание от положенных работ. В замке воцарилась тягостная атмосфера. Я подумывал пойти к дону Винсенте и рассказать ему о том, что поведal мне Гола, но решил еще немного повременить с этим.

Женщины в тот день оставались в своих комнатах, мужчины ходили беспокойные и угрюмые. Дон Винсенте объявил, что выставил двойную охрану и отправил отдельный контингент патрулировать коридоры замка. Я цинично подумал, что, если подозрения Голы подтвердятся, охрана не окажет большой помощи.

Я не из тех, господа, кто проявляет терпение в таких ситуациях. Я тогда был молод и горяч. Когда мы сидели за вечерней трапезой, я грянул о стол пустым бокалом и гордо всем объявил, что не испытываю страха ни перед кем, будь то даже не человек, а кровожадный зверь или сам сатана – посему ночью буду спать с раскрытой настежь дверью. Оповестив всех о моем намерении, я демонстративно удалился в свои покои, зло грохоча сапогами.

Снова, как и в первую ночь, пришел де Монтур. Лицо его было совсем как у человека, заглянувшего в самые зияющие врата ада.

– Я пришел, – сказал он, – чтобы просить вас – нет, месье, умолять вас! – пересмотреть ваше опрометчивое решение.

Я нетерпеливо покачал головой.

– Вы настроены решительно, так? Тогда я прошу вас сделать для меня кое-что еще. Когда я войду в свою комнату, я попрошу вас запереть дверь ко мне снаружи.

Я сделал то, о чем он меня просил, а затем вернулся к себе. Дав поручение Голе почистить и наточить кинжал и рапиру, я, твердо решив не ложиться спать, засел в большом кресле посреди полной темноты. Лязг точильни, над которой сгорбился мой новый слуга, помогал отогнать дремоту. Я долго раздумывал о странной просьбе де Монтюра – он показался очень измученным и нервным, и в его глазах угадывались тени ужасающих тайн, доступных лишь ему одному. К тому же... де Монтур определенно не казался мне *злонамеренным* типом.

Вдруг мне пришла в голову мысль сходить к нему и выяснить, что он знает.

Вояж по темным коридорам дался мне нелегко, но я превозмог природный страх темноты и вскорости добрался до дверей в покои де Монтюра. Оказавшись на месте, я позвал его, но никто не откликнулся. Протянутой рукой я нащупал клинья расщепленного дерева там, где должна быть монолитная дверь. Достав кремень, я высек искру – и начавший тлеть трут помог мне разглядеть: прочный засов был сорван, а тяжелая деревянная панель, совершенно разбитая, еле держалась на остатках петель.

И, очевидно, выломать ее пытались... *изнутри!*

Как и стоило ожидать, в комнате никого не оказалось.

Руководствуясь инстинктом, я быстро, но бесшумно – без обуви мои шаги были очень легкими – поспешил обратно в свою комнату. Подойдя к двери, я заметил, что в темноте передо мной что-то движется. Что-то ползло из бокового коридора, подкрадываясь все ближе и ближе.

В приступе паники я метнулся вперед и, никуда конкретно не метая, своим клинком стал полосовать темноту. Мой стиснутый до боли кулак ударился о чью-то голову, а потом чье-то тело шумно осело на пол. Еще одну искру высек я из огня – оказалось, у моих ног в глубоком беспмятстве лежал человек... и это был сам де Монтур.

Я запалил настенный факел как раз к тому моменту, как он открыл глаза и встал предо мной на нетвердых ногах.

– Вы! – воскликнул я, сам едва понимая, что говорю. – Так это вы!..

Он лишь кивнул.

– Вы убили фон Шиллера?

– Увы... это был я.

Я отпрянул назад; от страха едва получалось дышать.

– Послушайте... – Он поднял руку. – Возьмите свою рапиру и пронзите мне сердце. Я уверен, никто не станет наказывать вас за это.

– Ну нет, я так не могу!

– Тогда вам следует сейчас действовать очень быстро. Вернитесь в свою комнату, как можно крепче закройте дверь. Поторопитесь! Он вернется!

– Кто это – он? – Я протянул ему руку. – Если он опасен, то и вам необходимо пойти со мной. Я не могу подвергать вас...

– Ни в коем случае! – де Монтур находился в полном отчаянии; мою руку он оттолкнул. – Поторопитесь! Мне удалось на время сбросить его, но он вот-вот вернется вновь. – Тихим шепотом, полным неподдельного ужаса, де Монтур добавил: – Да он ведь... он ведь вылезет *прямо сейчас!*

И тут на меня взаправду нахлынуло предчувствие чего-то потустороннего, чуждого людской природе – совершенно инакового, насылающего дикий, панический страх.

Де Монтур стоял передо мной на негнущихся ногах, с отведенными назад руками и сжатыми кулаками. Под его кожей проступили сильно напряженные мышцы, глаза вдруг расширились и зрачки стали уже, а на лбу выступили жилы, как при больших физических нагрузках.

Оглянувшись, я, к своему ужасу, понял, что бесформенное, безымянное нечто, словно бы из ниоткуда возникшее, приняло смутную форму! Тенью оно двигалось к де Монтуру – и, когда их уже ничто не разделяло, *слилось с ним, стало единым целым с этим мужчиной!*

Де Монтур пошатнулся и сделал глубокий вдох. Затем он повернулся ко мне – о, молю Бога, чтобы мне больше никогда не пришлось смотреть в такую рожу, как эта!

Отвратительный, насквозь звериный лик предстал моим глазам. Его очи полыхали угрюмой решимостью, в пасти сверкали – нет, не человеческие зубы: заостренные клыки хищного животного!

Молча это существо – я просто не могу называть его человеком – подкралось ко мне. Его плавные движения напомнили мне волчи. От страха у меня перехватило дыхание. В тот момент, когда зверь бросился на меня, я отпрыгнул назад, к проему двери, и захлопнул ее, закрыв на замок. Всем весом своего тела я налег на преграду, в то время как ужасное существо снова и снова с рычанием кидалось на нее.

Наконец натиск ослаб, и я услышал, как чудовище осторожно двинулось по коридору прочь. Слабый и измученный, я сел, подождал и прислушался. Через открытое окно дул легкий ветерок, а вместе с ним приходили и все ароматы Африки – и восхитительно пряные, и отвратительные. Со стороны туземной деревни доносилась музыка барабанов. Чуть выше по реке, глубже в чаще, ей отвечали другие барабаны. Вдруг джунгли огласил долгий, высокий вой волка. Он звучал ужасно неуместно здесь и поверг мою душу в смятение.

На рассвете до смерти перепуганные жители деревни рассказали о молодом туземце, которого ночной нападавший чуть не разорвал на куски. Бедняге удалось спастись только благодаря слепой удаче. Я немедленно отправился на розыски де Монтура.

По дороге к нему я встретил дону Винсенте. Он был расстроен и полон гнева.

– В замке творится какая-то дьявольщина последнее время, – пожаловался он. – Этой ночью – я больше никому об этом не рассказывал! – кто-то подскочил сзади к одному из охранников, сорвал с его плеч кирасу и согнал со сторожевой башни. Кроме того, вчера кто-то запер

де Монтура в его комнате – ему пришлось выломать дверь, чтобы выйти. – Дон побрел дальше, бормоча что-то себе под нос, а я продолжил свой путь вниз по лестнице, более растерянный, чем когда-либо.

Де Монтур сидел на табурете и смотрел в окно. Он выглядел неопишимо измученным. Его длинные волосы были растрепаны, одежда помята. Меня пронзила дрожь, едва я узрел его обломанные ногти и выцветшие темно-красные пятна на коже рук.

Он поднял глаза и жестом предложил мне сесть. Я взглянул в его мученическое лицо, но никаких следов того кошмара, что предстал передо мной ночью, не отметил.

После минутного молчания он заговорил:

– Я расскажу вам свою странную историю. Никогда раньше она не облекалась в слова, и вы – первый, кто ее услышит. Впрочем, я не надеюсь, что вы поверите хоть слову, – думаю, все будет ровно наоборот. Много лет назад военная миссия привела меня на север Франции. Я был предоставлен самому себе, мне пришлось пробираться через Вильферский лес, кишачий разбойниками. Но в ту роковую ночь меня настигли не они, а бесчеловечное, ужасающее отродье – оборотень. Мы схватились с ним в свете полуночной луны, и в конце концов я убил его. Но вот проблема: если оборотень будет убит в человеческом облике, его дух будет преследовать убийцу до скончания веков. Однако если он умрет в облике волка, ад поглотит его. Настоящий оборотень – это не человек, способный принять облик волка, а волк, принимающий облик человека! Послушайте меня внимательно, мой друг, ибо теперь я открою вам свои тайные, черные знания, полученные через бесчисленные ужасные деяния в мрачных тенях полуночных лесов, по которым бродят разнообразные звери и полузвери.

В самую раннюю пору наш мир был странным, нестабильным. По первобытным лесам бродили гротескные твари. Изгнанные из других миров бесчисленные демоны и фурии поселились в этой новой, более молодой юдоли. Долгое время среди них царили раздоры, и в конце концов, растратив и истерзав собственные исконные формы, эти силы принялись занимать те пустые оболочки, что природа юного мира предоставила им: зверей, птиц... людей – в числе прочих. Битва возобновилась с новой силой – долгая, яростная. Человек в ней победил – сверг всех могучих драконов и поправ самое безжалостное зверье. Соломон, который был мудрее, чем кто-либо прежде него, повел людей в последнюю великую битву и благодаря своей мудрости сумел победить врагов, взять их в плен и даже приручить. Но не всех, далеко не всех. Те же волки носят в себе демонов с тех самых доисторических пор. С течением времени волк и демон слились воедино. Демон больше не мог по своему желанию покидать тело волка. Во многих случаях дикость волка побеждала изощренность демона и поработила его, так что волк снова становился лишь зверем – свирепым, хитрым, но *всего лишь зверем*. Но оборотней много и по сей день, они обучились хитростям. Когда восходит полная луна, они могут принять людское обличье – полное или частичное. Стоит ночному светилу на убыль пойти – натура бесхитростного зверя берет верх над злобной силой: оборотень вновь превращается в обычного волка. И если эту двуединую тварь убить, когда она в обличье человека, то демон получит свободу преследовать того, кто лишил его привязки к звериному телу, на протяжении долгих веков.

Так вот – я думал убить чудовище после того, как оно явит свой истинный облик. Но я поторопился! Луна хотя и приблизилась тогда к зениту, но еще не достигла его, а демон *еще не принял* полностью волчью форму! И в следующее же полнолуние я начал ощущать некое довлеющее надо мной влияние, странное и злое. В воздухе витала беда, и я буквально ощущал, как мое тело перестает принадлежать одному лишь мне!

Однажды ночью в маленькой деревушке посреди большого леса лунный морок полностью овладел мною. Стояла ночь, идеально круглая луна парила над чащей. В отсветах ее я увидел нечто странное – как ко мне направляется призрачное, чуть светящееся облако, своими очертаниями повторяющее *силуэт волка*. Оно явилось будто из ниоткуда, возникло из воздуха... Я почти ничего не помню из того, что произошло потом. Смутно припоминаю, как

выбрался на тихую улицу, как боролся, как недолго и тщетно сопротивлялся мой противник, а остальное – все как в багровой дымке. На следующее утро, придя в себя, я обнаружил, что моя одежда и руки перепачканы багровым. В деревне испуганный шепоток местных оповестил меня о том, что ночью за околицей свирепый зверь разорвал милующихся на сеновале – возможно, огромный волк.

Из той деревни я бежал в ужасе, но – бежал не один. Днем я не чувствовал, как меня подгоняет мой страшный похититель, но всякую ночь полнолуния бежал в леса – уже не я сам, но страшная тварь, убийца людей, изверг в получеловеческом теле.

Боже, какие битвы с ним я вел! Но всегда чудовище одолевало меня и гнало с жадностью за новой жертвой. А после того, как луна утрачивала полноту, власть этого существа надо мной внезапно прекращалась – чтобы возобновиться по прошествии изведенного цикла!

С тех пор я скитаюсь по миру – бегу, спасаюсь, тшусь убежать. И всегда волчий демон следует за мной, овладевая мною в полнолуние. Боги, какие страшные деяния я совершил! Я бы уже давно свел счеты с такой проклятой жизнью, но не смею, ибо душа самоубийцы проклята вдвойне, а демон не оставит меня даже в адских широтах. Что, если мое мертвое тело будет вечно бродить по земле, движимое вселившейся в него душой оборотня – есть ли на свете вероятность ужаснее? Более того – я, кажется, невосприимчив к оружию людей. Мечи пронзали меня, кинжалы рубили меня; я весь в шрамах – но ни разу никто не сразил меня наповал. Однажды в Германии меня арестовали и заточили в каземат. Мне пообещали отрубить голову – с какой бы радостью я принял эту участь! Увы, я долго пробыл там, долго – пока не настало полнолуние. Демон вновь вселился в меня. Ему ничего не стоило порвать железные цепи, взломать засовы – я перебил тюремную стражу и бежал... Я странствовал по всему миру, сея лишь страх и смерть на своем пути. Решетки и цепи не способны меня удержать. Кроваво-жадный демон связан со мной до конца времен.

В отчаянии я принял приглашение дона Винсенте. Видите ли, о моей ужасной двойной жизни не знает никто: ни одна живая душа не узнала бы меня в обличье демона, а из тех, кто наблюдал меня в нем, лишь единицы прожили хоть сколько-то долго, чтобы еще успеть поделиться пережитым... Мои руки обагрены, моя душа обречена на вечное пламя, мой разум разрывается от раскаяния за мои преступления. И все же я ничего не могу сделать, чтобы помочь себе. Конечно, Пьер, ни один человек не знал такого ада, какой ведом мне.

Да, это я убил фон Шиллера и почти убил Марситу. Что меня остановило – не могу сказать, ибо прежде я умерщвлял без разбору и мужчин, и женщин. С вашей стороны будет очень благоразумно прямо сейчас – покуда я человек, а не неуязвимый полуволок, – оборвать мои страдания. Поверьте, я благословлю вас, выпуская последний вздох.

– Я все еще не могу убить безоружного человека, ничего лично мне не сделавшего! – вскричал я.

Губы де Монтюра искривила горькая усмешка:

– Нет?.. Стоило ожидать. Как бы там ни было, теперь вы знаете мою историю.

Да, теперь я знал – и от этого знания просто голова шла кругом. Оставляя де Монтюра, я не мог сказать, правильно ли поступаю. Скорее всего, со временем живущий внутри него оборотень погубил бы нас всех, однако я не мог заставить себя рассказать обо всем дону Винсенте.

В глубине души мне было жаль нормандца.

Итак, я хранил молчание, и через несколько дней мне подвернулся случай встретиться с хозяином замка и поговорить с ним. К тому времени этот черный дьяволенок, Гола, начал проявлять плохо скрываемое волнение, как будто отчаянно хотел рассказать о чем-то, но не мог – или же не осмеливался. Его будто слегка настораживал де Монтур, да и меня поначалу – но я вскоре обрел присутствие духа и неожиданно для себя крепко сдружился с этим отчужденным от жизни, угрюмым человеком.

Шли дни. Мы пиروвали, пили, выезжали на охоту, и вот однажды вечером де Монтур пришел ко мне и молча указал на восходящую луну.

– Послушайте, – сказал он, – у меня возникла идея. Я сделаю вид, будто отправляюсь в джунгли на охоту, буду отсутствовать несколько дней. Но той же ночью я вернусь в замок, и вы должны будете запереть меня в подземелье, которое используют как склад.

Так мы и поступили. Два раза в день я ухитрялся незаметно пробираться к нему, неся воду и снедь. Де Монтур настаивал на том, чтобы и при свете дня не покидать погреба, – да, демон ни разу не овладевал им в дневное время и, скорее всего, был бессилен под солнцем, но и этот исчезающе малый риск нормандец пожелал исключить.

В это время я начал замечать, что мерзкий Карлос, тот племянник дона Винсенте, с повадками вертлявой крысы, настойчиво навязывается своей двоюродной сестре Изабелле, воспринимавшей его ухаживания с явной неприязнью. Я откровенно презирал его и мог бы вызвать на дуэль в любой момент, но решил, что это не мое дело. Изабелла же, казалось, боялась этого неприятного типа.

Мой старый друг Луиджи страдал от любви к этой стройной миловидной девушке, но Изабелла делала вид, что не обращает на это внимания, и бедняга томился все сильнее день ото дня.

Де Монтур, заточенный по собственной воле в погребах, ночами пытался взломать крепчайшие засовы на своей двери, а днем отсыпался в изнеможении.

А дон Флоренцо де Севилья бродил по двору замка – мрачный, как Мефистофель.

Прочие же гости скакали верхом, пьянствовали и затевали свары.

А Гола всюду следовал за мной с таким видом, будто набирался духу поделиться чем-то очень важным, — и что, скажите, удивительного в том, что нервы мои были на пределе?

Рабы тоже мрачнели день ото дня, становясь все более неуступчивыми и дерзкими.

Однажды ночью, незадолго до полнолуния, я спустился в подземелье, где взаперти до сих пор томился несчастный де Монтур. Узник поднял на меня взгляд запавших глаз.

– Смелый поступок, – заметил он, – навестить меня ночью.

Пожав плечами, я сел. Сквозь крохотное зарешеченное окно в погреб проникали запахи и звуки африканской ночи.

– Чертовы барабаны туземцев, – заметил я, – последнюю неделю почти не умолкают.

– Они волнуются и боятся, – сказал узник, – а под гнетом этих двух чувств ими сложно будет управлять. Вы заметили, что Карлос частенько бывает у них?

– Нет, право слово! Но сдаётся мне, между ним и Луиджи зреет ссора, ведь Луиджи ухаживает за Изабеллой...

Так мы беседовали, но вдруг де Монтур помрачнел, и ответы его сделались крайне односложными. Взошедшая луна заглянула в зарешеченное окно, свет упал на лицо бедного нормандца. И тут когтистая лапа ужаса сжала мое сердце. На стене позади него проявилась тень – *ее очертания отчетливо напоминали волчью голову!*

В тот же миг де Монтур почувствовал близость демона. С воплем он вскочил с пола. Остервенелой жестикуляцией он призвал меня запереть дверь – дрожащей рукою я толкнул ее от себя и запер, и тут же почувствовал, как зверь всем весом обрушился на нее изнутри. Взяв по лестнице вверх, я слышал неистовый рев и удары в дверь за спиной. К счастью, массивной, обшитой сталью преграде удавалось пока гасить натиск оборотня.

Стоило мне вернуться к себе, в спальню следом за мной влетел Гола. Задышавшись от спешки, он рассказал мне то, о чем молчал в последние дни. Выслушав его, я немедленно бросился на поиски дон Винсенте.

Оказалось, что Карлос попросил хозяина замка отправиться вместе с ним в деревню – провести сделку по продаже горстки рабов. О том мне сообщил дон Флоренцо де Севилья. В ответ я кратко пересказал ему то, что поведал мне Гола, и испанец тут же присоединился ко мне. Вместе мы выбежали из замковых ворот, попутно сообщив новость стражникам, и помчались к деревне.

Ах, дон Винсенте, дон Винсенте, осторожнее! Держите шпагу наготове! Как глупо, как неимоверно глупо покидать замок ночью в компании подлеца Карлоса!..

Мы нагнали их уже на самых подступах к деревне.

– Дон Винсенте, – воскликнул я, – немедленно вернитесь в замок! Карлос задумал предать вас в руки туземцев! Гола сказал мне, что он жаждет заполучить ваши богатства и Изабеллу! Один туземец проболтался ему о следах ног, обутих в сапоги, на месте убийств, и Карлос убедил черных, будто убийца – вы! Сегодня ночью туземцы замыслили восстать и вырезать всех в замке, кроме Карлоса! Дон Винсенте, я предельно серьезен!..

– Карлос, это правда? – в изумлении спросил дон Винсенте.

Отступник издевательски усмехнулся.

– Да, этот болтун выложил все как на духу, – ответил он, – но вам это не поможет. А ну!.. – С раскатистым возгласом он бросился на дон Винсенте, но в лунном свете сверкнула сталь – и шпага испанца пронзила Карлоса, прежде чем он успел сделать хоть что-нибудь.

И тут нас окружили тени. Мы оказались – спина к спине, со шпагами и кинжалами – втроем против сотни. Тут и там засверкали наконечники копий, ожесточенный вопль рвался из глоток дикарей. Тремя выпадами я уложил троих – и тут же пал, оглушенный ударом палицы. Миг – и прямо на меня рухнул дон Винсенте: два копия пронзили его плечо и ногу. Дон Флоренцо стоял над нами, клинок шпаги в его руках ожившей молнией разил налево и направо, пока из замка не подоспел отряд солдат. Берег тут же был расчищен от туземцев, и нас понесли в замок.

Черные орды наступали стремительно, копья мелькали, как стальные волны, громовой рев дикарей поднимался к самым небесам. Раз за разом они взлетали по склонам, огибали ров, пока не переваливали за частокол. Огонь сотен защитников замка отбрасывал их назад.

Туземцы подожгли разграбленные склады, и пламя озарило ночь куда ярче, чем холодный лунный свет. Еще один большой склад стоял на другом берегу реки. Собравшаяся вокруг орда принялась ломать двери и стены, учиня грабеж.

– Хоть бы факел на него бросили, – сказал дон Винсенте. – Там ведь нечем поживиться, кроме нескольких тысяч фунтов пороха! Не рискнул хранить его на нашем берегу. По наши души явились все племена, живущие у реки и вдоль побережья, а все мои корабли – в море. Какое-то время мы, конечно, продержимся, но рано или поздно они хлынут через частокол и казнят нас.

Я поспешил в погреб, к заключенному там де Монтуру. Замерев у двери, я окликнул нормандца, и он пригласил меня войти. Судя по голосу, демон на время оставил его.

– Чернь бунтует! – выкрикнул я.

– Это я понял, мой друг! Лучше скажите – как идет бой?

Я изложил ему подробности предательства Карлоса и битвы, упомянул о пороховнице за рекой. Де Монтур вскочил на ноги.

– Клянусь своей истерзанной душой, – вскричал он, – я рискну еще раз сыграть в кости с дьяволом! Скорее выведите меня из замка – я переплыву реку и подорву этот склад!

– Но это безумие! – воскликнул я. – Между рекой и частоколом – тысячная орда черных, а по ту сторону их вдвое больше будет! И воды реки кишат крокодилами!

– Однако я попробую, – сказал он. Лицо его озарилось светом надежды. – Если мне удастся добраться туда, осаждающих станет на тысячу меньше, а ежели погибну – дух мой обретет свободу. Возможно, за то, что я отдам жизнь ради других, мне простится хоть малая толика грехов. Но поспешим – демон возвращается, я уже чувствую его гнет! Скорее!

Мы устремились к воротам замка, и на бегу де Монтур скрипнул зубами, как человек, напрягшийся до предела сил. Добежав до ворот, он присел и прыгнул наружу. Дикие вопли туземцев встретили его за стеной. Стражники дружно разразились возмущенными криками при виде наших безумств. Вскрабкавшись на частокол, я увидел, как нормандец тотемным столбом возвышается над двумя дюжинами бездумно несущихся в лобовую атаку дикарей-копьеносцев.

Затем в небо взвился жуткий волчий вопль, и де Монтур бросился вперед. Туземцы замерли в ужасе. Прежде чем кто-либо из них успел пошевелиться, он оказался среди них. Раздались дикие крики – не ярости, а ужаса.

Застывшие в изумлении защитники замка не открывали огня.

Де Монтур прорвался прямо сквозь отряд чернокожих. Когда те дрогнули и бросились врассыпную, многим искалеченным было уже не до бегства. Сделав дюжину шагов вслед за дикарями, де Монтур замер – и затем, осыпaeмый градом копий, развернулся и бросился бежать к реке.

В нескольких шагах от реки путь ему преградил еще один отряд черных. Ненасытное пламя, пожиравшее горящие дома, прекрасно освещало эту сцену. Брошенное копье попало нормандцу в плечо. Не замедляя шаг, он вырвал копье из раны, насадил на него, точно на пику, ближайшего негра, перескочил через его труп и кинулся на остальных.

Дикари не могли противостоять белому человеку, управляемому дьяволом. С криками они бежали, и де Монтур, налетев на спину одного из них, повалил жертву на землю. Когда с ней было покончено, он поднялся, пошатнулся и бросился к берегу реки. На мгновение он остановился там, а затем исчез в тени.

– Во имя дьявола! – выдохнул дон Винсенте за моим плечом. – Что же это за человек? Ведь это де Монтур?

Я кивнул. Дикие вопли туземцев едва не заглушали треск выстрелов. К складу на том берегу стекалась многолюдная толпа.

– Похоже, – произнес дон Винсенте, – они задумали все разом ринуться на штурм и перевалить за частокол...

И тут грохот буквально поглотил его слова; этот сокрушительный звук будто вспорол сам небосвод и изрыгнул искры навстречу затрепетавшим звездам. Даже сам замок – добротный, основательно построенный – пошатнулся от взрыва. Эхо прокатилось по округе и сгнуло в растревоженных джунглях, истончилась пелена дыма... Там, где была пороховница, осталась лишь огромная воронка в земле.

Я мог бы рассказать о том, как раненый дон Винсенте нашел в себе силы собрать всех солдат, повел войско по склону и обрушился на обьятых ужасом черных – тех, что еще не погибли и не оглохли при взрыве. Мог бы рассказать о том, как он перебил большую их часть, как победоносно гнал их до самых джунглей.

Я мог рассказать, господа, о том, как я отделился от группы и забрел далеко в джунгли, не в силах найти дорогу обратно на побережье, и как меня захватила бродячая банда похитителей рабов, и как я сбежал. Но это не входит в мои планы. Рассказ получился бы слишком длинным, а я сейчас говорю именно о де Монтуре.

Я много думал о том, что произошло, и гадал, действительно ли де Монтур добрался до пороховницы, чтобы взорвать ее, – или это было лишь делом случая.

То, что человек мог переплыть эту бурную реку, кишашую рептилиями, каким бы дьяволом он ни был, казалось невозможным. И уж если он взорвал хранилище, то должен был исчезнуть с лица земли вместе с ним.

И вот однажды ночью, продираясь сквозь джунгли, я увидел берег, а рядом с ним – маленькую полуразвалившуюся хижину из соломы. Я пошел к ней, думая переночевать там, если позволят вездесущие насекомые и ядовитые рептилии.

Я вошел в дверной проем и тут же остановился. На импровизированном табурете сидел мужчина. Он поднял голову, когда я вошел, и лучи луны упали на его лицо.

Я попятился, трепеща от ужаса. *Это был де Монтур, и луна была полной!*

Я стоял, не в силах бежать; он поднялся и подошел ко мне. Лицо его, хотя и изможденное, как у заглянувшего в ад, было лицом... здравомыслящего человека.

– Входите, друг, – сказал он, и в его голосе звучало великое спокойствие. – Входите и не бойтесь меня. Волчий демон покинул меня навсегда.

– Но скажите мне, как такое произошло? – воскликнул я, схватив его за руку.

– Я выдерживал страшный натиск, когда бежал к реке, – ответил он, – ибо бесплотная тварь обуздала меня и призывала впутаться в кровавое побоище против туземцев. Но душой и разумом я на краткое время смог одержать победу – и этого времени мне хватило, чтобы воплотить замысел в жизнь. И я верю, что добрые святые в тот момент пришли мне на помощь, ибо я жертвовал собой во имя других. Я прыгнул в реку и поплыл, и крокодилы вмиг окружили меня; вновь оказавшись во власти демона, я дрался с ними в воде... но затем, совершенно неожиданно, его хватка на мне ослабла!

Выбравшись на берег из воды, я запалил склад. Взрыв отшвырнул меня прочь на сотни футов, и несколько дней я просто блуждал по джунглям в беспамятстве. И когда наступило полнолуние... неизбежная пора... *я не ощутил на себе гнета волчьего изверга*. Так что я теперь свободен – *свободен!* – Чудесная нота возвышенного ликования прозвучала в его словах: – Моя душа вольна – и теперь, как это ни невероятно, демон лежит утопленным на дне реки в туше одного из тех аллигаторов!

Перевод Г. Шокина

Примечание

Рассказ написан в 1925 году. Первая публикация – журнал “Weird Tales”, апрель 1926-го. Был написан после «Случая в Вильферском лесу», прямым продолжением которого и является. С текстом была связана интересная история из биографии автора: 20 января 1926 года Говард получил от редактора “Weird Tales” Фарнsworth Райта письмо, в котором тот сообщал, что номер журнала за апрель готов почти полностью, в том числе и обложка с иллюстрацией к рассказу Говарда. Однако сам текст художник не прислал, поэтому Райт запросил у автора черновик истории. У Говарда не осталось черновика, однако он, обладавший фотографической памятью, в течение нескольких дней написал рассказ заново и выслал редактору.

На начальном этапе существования “Weird Tales” (основан журнал был в 1923 году) истории об оборотнях были очень популярны и попадали чуть ли не в каждый номер, однако «Волкоглава» редактор Фарнsworth Райт отметил особо еще на стадии предпечатной подготовки, анонсируя эту публикацию еще в декабре 1925 года в разделе писем: «Те, кому по нраву истории о вервольфах, <...> предвкушайте великолепную историю Роберта И. Говарда “Волкоглав”. В ней мистер Говард пишет об оборотнях с точки зрения, которая никогда ранее не использовалась в литературе». Трудно сказать, действительно ли новаторство Говарда столь существенно, но стоит отметить, что подход к фигуре оборотня как к животному, способному превращаться в человека (или, как в настоящем случае, – к мстительному духу животного, способного превращать человека в зверя), действительно не встречался ни в одном из подобных рассказов, публиковавшихся в “Weird Tales”, и близок скорее не к популярной трактовке образа тех лет, а к древнеазиатской мифологии, где оборотни изначально являются некими потусторонними существами полуживотной природы, а не людьми, обращенными при помощи укуса, знахарства или проклятия. Также в этом рассказе отмечаются те характерные черты изложения, которые исследователями его творчества в конце XX – начале XXI века будут оцениваться как «проявления крайней степени расизма» (см. комментарий к рассказу «Черный Ханаан»). Так или иначе, согласно читательскому голосованию, «Волкоглав» занял второе место среди всех рассказов в апрельском выпуске “Weird Tales” за 1926 год. Для молодого писателя, который опубликовал в журнале всего лишь третью свою работу, это было значительным успехом.

Гадина из сна

Ночь была странно тихой. Когда мы сидели на широком крыльце, глядя на обширные тенистые пастбища, эта тишина проникала в самое сердце, и долгое время никто ничего не говорил.

Долго ли, коротко ли, над темными горами, раскинувшимися на восточном горизонте, опустилась слабая светящаяся дымка, и совершенно неожиданно возшла большая золотая луна, осветив сцену призрачным светом. Черные стволы могучих деревьев в этом свете напоминали зияющие узкие проемы, уводящие незнамо куда. Легкий ветерок дул с востока, превращая нескошенную траву в море, полное длинных мягких волн, смутно различимых в лунном свете. На крыльце кто-то вздохнул – отрывисто, хрипло, будто даже с отзвуком болезненного стоны, – и мы все вздрогнули и огляделись.

Фейминг наклонился вперед и вцепился в подлокотники кресла. Его лицо выглядело странно чужим и бледным в призрачном свете; он прикусил губу так, что по подбородку стекало несколько капель крови. Мы посмотрели на него с изумлением, и вдруг его сотряс короткий, рычащий смех.

– Не надо пялиться на меня, точно стадо глупых овец! – раздраженно сказал он и резко, как и начал, перестал смеяться. Мы все больше пугались и не знали, что сказать в ответ, и в следующее мгновение он снова выпалил: – Прежде чем прозовете меня за глаза сумасшедшим, послушайте-ка мою историю! И не вздумайте перебивать – это касается всех! Я просто хочу выкинуть все это из головы. Знаете, я человек простой, и мне до заправского фантазера далеко, но кое-что – *плод воображения*, так ведь говорят? – меня преследовало с самого детства. Этот сон!..

Он нервно поерзал на стуле и пробормотал:

– Сон! Ей-богу, какой сон! В первый раз... Нет, на самом деле я не могу вспомнить, когда мне это приснилось в первый раз. Сколько себя помню, мне снился этот адский сон. Ну, выглядит в нем все так. Стоит на пригорке этаким домик с верандой – посреди, значит, широко-окого луга. Вполне в здешнем духе, да только сон мой происходит не у нас, а в Африке. Живу я в том доме с индусом – он, кажется, слугой мне приходится. Как, значит, меня в Африку угораздило забраться – наяву никогда не помню, хотя во сне точно знаю, как свои пять пальцев.

Вообще, если в сон попадаю – помню, кто я там и как жил... А вот как проснусь – забывается вот эта вся подноготная, выветривается из головы – хоть тресни. Но одну подробность вроде помню: и сам я с законом во сне не в ладах, и индус мой. Оба мы от кого-то, значит, прячемся. Где точно в Африке наш дом стоит – опять же, только во сне и знаю. Домишко мелкий, всего-то пара комнатушек в нем, и стоит на холме – ну, я уж упомянул. Других холмов таких нет рядом – пастбища аж до самого горизонта тянутся, сколько глаз хватает, и в одних местах там трава по колено, а в других – по пояс.

Сон всегда начинается с того, что я поднимаюсь на холм, пока солнце медленно садится. Я несу сломанное ружье и только что вернулся с охоты, которую отчетливо помню во сне, но напрочь забываю наяву! Как будто занавес какой поднимается – и все, я на сцене, я в игре, и мне подсовывают роль совершенно другого человека, которую я никогда спецом не учил, но во что бы то ни стало должен вспомнить. Вспомнить, что там у этого персонажа моего было, какой он был в прошлом и что привело его к такому настоящему.

И – черт возьми! Сами же знаете, у большинства людей сны происходят *в глубине* их сознания, и они прекрасно понимают, что это всего лишь сны. Каким бы ужасным ни был кошмар – знают ведь, что он закончится и не будет грозить им ни помешательством, ни смертью. Но в этом конкретном сне такой уверенности нет. Говорю вам, в нем все так живо, так подробно, что я иногда задаюсь вопросом, не моя ли это настоящая жизнь... Может, вот это всё, что сейчас, – сон? Но нет, быть такого не может – иначе я был бы мертв много лет назад!

Итак, как я уже сказал, я поднимаюсь на холм... Первое, что бросается мне в глаза, – что тропа довольно необычная, потому что на самом деле это какая-то неровная борозда, по которой я иду вверх по склону, и выглядит она так, будто осталась после чего-то очень тяжелого, которое туда, наверх, сволокли. Но мне-то до таких мелочей во сне особого дела нет – я, значит, хожу, горюю, что винтовке моей кранты, а это ж единственное при мне оружие, и теперь куда новую не добудешь – не поохотишься... В общем, я помню отдельные мысли, впечатления – но это же все отрывки, кусочки, из них никак мне целой картины не сложить, пусть даже и хочется так, что не вмогуту! Ладно... Значит, дохожу я во сне до вершины холма, захожу к себе в дом – двери распахнуты, а индуса моего нет. В гостиной кавардак, стулья поломаны, стол опрокинут. Кинжал слуги в половице торчит, но крови нигде не видеть.

Дело такое – в каждом отдельно взятом сне *я не помню*, как у меня дела в других, прежних снах складывались, как порой бывает у людей. Все всегда происходит словно в первый раз. И все события я воспринимаю так же ярко, будто мне впервой. И вот стою я посреди жуткого этого погрома и ничегошеньки не понимаю. Индуса нет, но кто ж его у меня увел? Будь это набег черномазых – они бы тут все растащили, а сам дом подожгли бы. Будь это лев, из саванны набежавший, – кровь бы осталась! И вдруг вспоминаю я ту борозду, что по холму наверх волочилась, и волосы дыбом встают – ясное дело, гадина это была, огромная змеюга! Наверх вползла, не иначе! И как только вспоминаю я ко всему, каких эта борозда была размахов, – на лбу пот холодный проступает и руки дрожат, что ту бесполезную сломанную винтовку держат...

Бегу я в дикой панике к двери, и единственная мысль – поскорее убраться подальше. Но солнце уж село, сумерки укрыли мраком пастбища... где-то там, в высокой траве, таится этот ползучий ужас, выжидая. Боже правый!

С несвойственной ему истовостью Фейминг разразился бессвязной молитвой, и все мы подпрыгнули, только теперь осознав, насколько захватил и напряг нас его рассказ. Тем временем он продолжил:

– Я запираю двери и окна, зажигаю лампу, встаю посреди комнаты. Стою что твоя статуя, жду и слушаю. И вот, долго ли, коротко ли – всходит луна, ее слабый свет проникает в окна. А я все стою, стою... Ночь очень тихая – почти как сегодня. Время от времени по траве бежит этаким ветерок-шепоток, и каждый раз я от него весь напрягаюсь, кулаки до боли стискиваю,

аж ногтями кожу на ладонях вспахиваю – капает кровь... Стою я так, жду и слушаю, но нет – этой ночью она не приползет, *не бывает тому!* – Эти последние слова он почти что выкрикнул во весь голос, но они-то и разбили оторопь – напряжение покинуло нас, заставив облегченно выдохнуть.

– Я решил так: ежели ночь переживу, рано утром пойду искать гадину. Но вот утро за окном, а у меня уж былой удали нет. Понятия не имею, куда эта огромная тварь уползла, и уж точно не хватит мне духа встретиться с ней без всякого при себе оружия. Так что застрял я у себя дома, прямо как в капкане, – застрял и смотрю, как солнце ползет неумолимо по небу, клонится к горизонту. Бог мой, да если бы я только мог попросить светило так не торопиться! И вот небосвод гаснет, длинные тени стелются по траве. У меня кружится голова от страха, и задолго до того, как пропадает последний луч, я снова запираю двери, окна, зажигаю лампу... Свет в окнах наверняка приманит змею ко мне, но стоять в полной темноте я подавно не смогу... просто вот так стоять посреди своей комнаты – и ждать.

Фейминг сейчас выглядел так, словно наяву попал в лапы какой-то ужасной силы, и его рассказ после мнимого спада напряжения снова заставил нас ощутить тревогу. Он выдержал невыносимо долгую паузу, облизал губы и продолжил голосом чуть громче шепота:

– Я понятия не имею, как долго я стою там, время течет, и каждая секунда – это век, каждая минута – маленькая вечность, и каждая новая вечность длиннее прежней. И вот тогда – о боже! – что это?

Он наклонился вперед, так что лунный свет нарисовал на его лице ужасную маску. Испуганное выражение, с которым он глядел в ночь, заставило всех нас задрожать, и мы через одного стали украдкой оглядываться через плечо.

– На этот раз – не просто ночной ветер шелестит, – прошептал Фейминг. – Что-то эту траву заставляет шуршать – будто по полю тащат что-то большое... длинное... тяжелое. И вдруг – шорох, прямо где-то у крыши дома, а потом – чуть тише – перед дверью... Скрипят петли, дверь медленно прогибается вовнутрь... сперва чуть-чуть... потом еще немного...

Фейминг вытянул руки перед собой, как будто пытался опереться на что-то, и тяжело задышал.

– Я знаю: надобно мне налечь на дверь и всеми правдами и неправдами держать ее запертой, да вот только *не могу* я шелохнуться! Стою там, как корова на убой, а дверь все скрипит и скрипит... но не поддается! Не попасть гадине просто так в дом!

Снова облегченный вздох прошел среди нас, слушателей. А рассказчик протер потный лоб дрожащей рукой.

– Всю ночь посреди комнаты торчу, неподвижный, как картина, разве что иногда поворачиваюсь на звук – пытаюсь понять, где эта гадина теперь шуршит. Слежу за звуком не только ушами, но и глазами – да, оказывается, бывает и такое! Иной раз совсем его не слышу, вроде как даже на несколько минут он стихает. Но я тогда совсем уж от страха весь обомлеваю – а ну как она пробралась-таки ко мне, сюда? Верчу головой по сторонам, хотя – уж не знаю, с чего вдруг – страшно боюсь шуметь, и не оставляет чувство, будто отродье это где-то прямо за спиной. И снова где-то что-то шуршит, и снова я на месте замираю...

А потом наступает такой момент, когда я сам себя осознаю во сне, – когда разум, что по яви меня ведет, первый и единственный раз прорезается в этом мороке. До этого я вовсе не понимаю, что сплю, все для меня реально – а потом вдруг отстраняюсь, подмечаю, что не все тут гладко, и буквально вижу эти тропинки, по которым откуда-то издалека приходят ко мне все эти змеиные наваждения. И сам я – *это* мое, или как там говорят? – как бы надвое разваливаюсь: обе половины друг от друга не зависят, и рука правая не ведает, что творит левая, хоть они и из одного тулова растут. Вот только я-спящий с собой-бодрствующим-во-сне повязан, и дела наши плохи... это уже не просто тропинки, это цепи, узлы – по ним от меня к другому себе и жизнь, и мысль течет... знаю-знаю: не так-то просто это уразуметь и

объясняльщик из меня не ахти какой... в общем, я чувствую – и та моя часть, что во сне, и тот я, что сейчас перед вами, – что оба мы можем умереть от этой гадины, вот настолько крепко сцеплены.

Пока я стою во сне, меня охватывает непреодолимый страх, и я уверен, что скоро змея поднимется и будет смотреть на меня через окно. Во сне я знаю, что если такое произойдет – я сойду с ума. И это впечатление закрепляется в моем реальном уме с такой силой... не всегда оно одинаково, не всегда одним путем приходит, но я вам скажу одно: если когда-нибудь во сне эта гадина поднимет уродливую башку и уставится на меня – не миновать того, что проснусь я окончательно свихнувшимся, буйнопомешанным.

Слушатели беспокойно всколыхнулись.

– Боже упаси! Разве не чудовищная перспектива, – пробормотал Фейминг, – уступить сумасбродству – и навек застрять в одном и том же сновидении! В нем стою я, и век уходит за веком – ужасно много времени проходит, покуда в окна не вползает слабый серый свет, покуда не стихает вдалеке шорох... и вдруг – алое, истощенное солнце лезет по небу на восток. Я оборачиваюсь, смотрю в зеркало – и вижу, что мои волосы стали совсем белыми. Я натываюсь на дверь, рывком открываю ее. Перед глазами – ничего, кроме только широкой борозды, вниз по холму от дома – и дальше, через пастбище. Не сюда, на холм, а в обратном направлении – смекаете почему? Я бросаюсь бежать вниз по склону – и дальше, и дальше, через травянистые поля. Бегу и хохочу как безумный, пока ноги у меня не подламываются от изнеможения. Тогда валяюсь на земле, пока силенок не подкопится бежать дальше...

...Я бегаю так весь день, подгоняемый ужасом позади, на пределе таких сил, каких отродясь у человека не бывало. В моменты отдыха смотрю на солнце, напряженный, как часовая пружина. Как быстро оно движется, когда бежишь, спасая себе жизнь! Моя гонка, конечно, проиграна – это понятно, когда край светила гаснет за краем мира, а те холмы, что хотел я одолеть до захода солнца, все так же далеки, как прежде...

Голос Фейминга с каждым словом звучал слабее, и все мы невольно подались вперед. Пальцами он крепко-накрепко вцепился в подлокотники, и из его прокушенной губы по-прежнему слабо сочилась кровь.

– Смеркается... Я все бреду вперед, падаю и снова встаю. И хохочу, хохочу, хохочу! Но недолго мне веселиться... взошедшая луна превращает луга в какой-то призрачный, окутанный серебристой дымкой морок... заливают землю молочно-белым светом – а сама она красна, как кровь! Я оглядываюсь – и далеко позади...

Мы еще сильнее подались вперед – ведь голос Фейминга упал до еле слышного, призрачно-безжизненного шепота.

– ...Далеко позади... вижу... ходит волнами трава. Воздух недвижим... высокие стебли расступаются и раскачиваются в свете луны, по темной уклончивой линии... Она все еще далеко, но с каждым мгновением все ближе и ближе...

Фейминг стих. Не сразу кто-то из нас осмелился нарушить молчание:

– И что, что же потом?

– Потом я просыпаюсь, так и не увидев это чудовище. Этот сон преследует меня с ранних лет – всю мою жизнь. В детстве я кричал как резанный, когда он меня застигал, – с натуральными воплями вскакивал. Да и сейчас не лучше: дергаюсь, весь холодным потом покрываюсь. Снится эта напасть мне нерегулярно, но что-то в последнее время... – Голос Фейминга дрогнул, однако он продолжил: – В последнее время гадина с каждым разом подползает *близко*. Ближе, ближе – я могу судить по ряби на траве. И как только она меня... того...

Тут он осекся, встал, не говоря ни слова, и пошел в дом. Остальные некоторое время сидели молча, а потом последовали за ним, потому что уже было поздно.

Не знаю, сколько я проспал, но вдруг пробудился, воображая, что слышу где-то в доме смех – протяжный, громкий, страшный смех сумасшедшего. Когда я встал, то подумал, что,

может быть, мне это только снится, – но, рванувшись откуда-то из верхних покоев, по дому прокатился действительно ужасающий крик. Захлопали двери, в коридор высыпали другие разбуженные люди – и вместе мы побежали в комнату Фейминга, откуда, похоже, и шел нестерпимый звук.

Он лежал на полу – мертвый. Выглядел так, словно перед смертью побывал в жесточайшей схватке. Мы не увидели на его теле никаких повреждений, но лицо Фейминга было ужасно искажено... как лицо человека, раздавленного чудовищной силой.

И если так оно и было, почему бы той силе не родиться из удушающей хватки колец какой-нибудь непомерной гадины... гигантской, ползающей в ночных африканских полях змеи?

Перевод Г. Шокина

Примечание

Рассказ написан в 1927 году. Первая публикация – журнал “Weird Tales”, февраль 1928-го. Тема змей и ночных кошмаров объединяет эту историю с более поздним рассказом «Кобра из сна» (The Cobra in the Dream): в обоих текстах представлен главный герой, которому на протяжении долгого времени снится один и тот же сон, связанный с офидиофобией (один из видов зоофобии – боязнь змей, по некоторым свидетельствам присущая и самому автору, во многих своих историях, в том числе и сугубо фэнтезийных, наделявшему отрицательных персонажей змеиными чертами). Такая схожесть сюжетов, возможно, указывает на то, что один из текстов являлся своего рода черновиком для другого («Кобра из сна» была опубликована посмертно).

Змея – универсальный и наиболее сложный из всех символов, воплощенных в животных, а также самый распространенный и, по всей видимости, самый древний из них. Образ змеи, змея, дракона фигурирует во множестве старинных преданий, легенд, в народных сказках. В западном фольклоре символизм змеи по большей части отрицательный; резонно предполагать, что в символике данного рассказа Говард опирается в какой-то мере на устоявшийся в почитаемой им культуре американских первопроходцев образ змеи как коварного «экзотического» врага. Недаром место действия сна, что в конечном итоге губит главного героя, – Африка. Мотив ужаса, приходящего из сна, фигурирует в литературе ужасов очень часто (см., например, рассказы «Янычары из Эмильона» Бэзила Коппера, «Лицо» Эдварда Фредерика Бенсона и т. п.).

Поверженный

Кэл Рейнольдс перебрал порцию жевательного табака в другой уголок рта, прищурившись над тускло-синим дулом своего винчестера. Его челюсти методично работали. Их движение прекратилось, когда он нашел свою цель.

Он застыл в полной неподвижности; затем его палец лег на спусковой крючок. Грохот выстрела заставил эхо прокатиться по холмам, и, более громким эхом, раздался ответный выстрел. Рейнольдс отшатнулся, прижимаясь поджарым телом к земле и тихо ругаясь. С камня рядом с его головой сорвалась серая пыль. Пуля, срикошетив, со свистом ушла в молоко. Рейнольдс невольно поежился. Звук не сулил ничего хорошего – почти как трещотка гремучей змеи.

Он осторожно приподнялся – достаточно высоко, чтобы выглянуть между камнями перед собой. Отделенная от его убежища широкой грядой, поросшей мескитовой травой и опунцией, впереди возвышалась гряда валунов, похожая на ту, за которой он прятался. Над валунами вилась тонкая струйка беловатого дыма.

Зоркие глаза Рейнольдса, привыкшие к выжженным солнцем пустошам, заметили меж скал небольшое кольцо тускло поблескивающей голубоватой стали. Дуло винтовки ни с чем не спутаешь, и ему было хорошо известно, чьи руки держат сейчас оружие.

Вражда между Кэлом Рейнольдсом и Исавом Бриллом была слишком долгой по меркам техасских нравов. В горах Кентукки семейные войны могут продолжаться из поколения в поколение, но географические условия и темперамент местного населения отнюдь не способствовали затяжным вендеттам. Здесь междоусобицы обычно кончались с ужасающей внезапностью. Сценой им выступал салун, проулок маленького пастушьего городка или даже сам открытый всем ветрам выпас. Засадам в зарослях лавра предпочитали яростную перестрелку из шестизарядных пушек и обрезов дробовика на короткой дистанции, быстро решающую дело в чью-либо пользу.

Случай с Кэлом Рейнольдсом и Исавом Бриллом был несколько необычен. Во-первых, вражда касалась лишь их самих. Ни друзья, ни родственники не были втянуты в это. Никто, включая участников, точно не знал, с чего все началось. Кэл Рейнольдс просто знал, что ненавидел Исава Брилла большую часть своей жизни и что тот отвечал ему взаимностью. Когда-то в

юности они схлестнулись с жестокостью и напористостью двух соперничающих молодых катамаунов³, и после этой встречи Рейнольдс унес с собой шрам от ножа поперек ребер, а Брилл лишился глаза. Это ничего не решало. Они сражались до кровавого исхода, и ни один из них не испытывал никакого желания пожать другому руку и помириться – это лицемерный шаг для «цивилизованных» людей, не имеющих смелости биться не на жизнь, а на смерть. После того, как один из них почувствовал нож противника, скрежещущий по костям, а другой – большой палец, давящий на глазное яблоко, покуда то не лопнуло; после того, как оба наелись земли из-под сапог врага, – не шла речь ни о каком прощении, пусть даже и затерялся в песчаных бурях времени смысл первоначального разлада.

Таким образом, Рейнольдс и Брилл перенесли свою взаимную ненависть в зрелость; будучи ковбоями конкурирующих ранчо, оба нашли возможность вести свою личную войну. Рейнольдс угонял скот у босса Брилла, и Брилл платил ему той же монетой. Каждый из них был взбешен тактикой другого и считал себя вправе уничтожить своего врага любым доступным способом. Брилл застал Рейнольдса без оружия одной ночью в салуне в Кау-Уэллсе, и лишь позорное бегство черным ходом, когда пули свистели у него за спиной, спасло шкуру Кэла.

В свою очередь он, засев в кустах, аккуратно выбил своего врага из седла на расстоянии пятисот ярдов патроном калибра 30–30 – и, не случись несвоевременного появления почтового фургона, вражда на том бы и окончилась. Не будь свидетелей, ничто не отвратило бы Рейнольдса от первоначального намерения покинуть укрытие и выколотить раненому Брилли мозги прикладом винтовки.

Но враг, обладавший жизненной силой длиннорогого быка, оправился от раны и, едва встав на ноги, отправился с удвоенной силой чинить разные неприятности человеку, сумевшему заставить его врасплох.

И вот теперь, после всех этих засад и стычек, враги сошлись на хорошей дистанции стрельбы, среди одиноких холмов, где постороннее вмешательство было маловероятным.

Больше часа они пролежали среди скал, стреляя при каждом намеке на движение. Ни один из них не попал в цель, хотя пули калибра 30–30 проходили порой в миллиметрах.

В висках Рейнольдса бешено стучал пульс. Солнце изливало жар аккуратно на него, и вся рубашка промокла от пота. Мошки роились вокруг его головы, попадая в глаза, и он злобно ругался на них. Мокрые волосы прилипли к голове, глаза горели от яркого солнца, а ствол винтовки накалился в руках. Правая нога начинала неметь, и он осторожно двигал ею, стараясь проделывать это так, чтобы не звякала шпора, – хотя, конечно, Брилл был слишком далеко, чтобы услышать этот звук. Весь этот дискомфорт подпитывал гнев Рейнольдса: во всех своих страданиях он винил врага. Солнце ослепительно играло на сомбреро Кэла, мысли слегка путались – среди этих голых скал было жарче, чем в адском очаге. Его сухой язык облизывал запекшиеся губы.

Сквозь путаницу в его мозгу пробивалась ненависть к Исаву Брилли, ставшая уже не просто эмоцией, а навязчивой идеей, чудовищной блажью. Рейнольдс содрогнулся от щелчка винтовки Билла, но его пугала не смерть, а мысль о том, что он может погибнуть от рук своего врага, – столь невыносимая и непотребная, что при одном ее проблеске сознание утопало в багряном мареве. Он бы безрассудно пожертвовал жизнью, если бы знал, что Брилл отправится в вечность хотя бы на три секунды раньше его.

Кэл Рейнольдс не анализировал эти чувства. У мужчин, пробивающих себе дорогу в жизнь через техасские прерии, обычно нет времени на самоанализ. Он не осознавал силу своей ненависти к Исаву Брилли, – так люди не задумываются над тем, как работают их руки и ноги. Гнев сделался частью его существа – даже больше, чем частью. Он окутывал его, поглощал; его

---

³ Самец пумы.

разум и тело были не более чем материальным воплощением гнева. Кэл Рейнольдс стал чистой ненавистью – она заменила ему и все порывы души, и, похоже, саму душу.

Его инстинкты, не скованные изнуряющими оковами утонченности и интеллекта, произрастали прямо на голой почве примитива – и вот из них выкристаллизовалась почти осязаемая абстракция по имени Ненависть, слишком сильная, чтобы даже смерть ее угасила, и достаточно мощная, чтобы воплотиться сама по себе, без участия материальной субстанции.

Примерно четверть часа ни один из них не произнес ни слова. Инстинктивно сражаясь со смертью, как гремучие змеи, затаившиеся среди скал, впитывая яд солнечных лучей, соперники лежали, ожидая своего шанса, участвуя в смертельной игре на выносливость, пока нервы одного из них не натянутся до опасного предела.

И первым сломался Исав Брилл. Его крах не принял форму крайнего безрассудства, слепого и бездумного броска вперед – осторожные инстинкты, унаследованные от дикой природы, слишком въелись в него. Все, что сделал Исав, – процедив проклятие, приподнялся на локте и выстрелил туда, где, как ему казалось, щель в нагромождении камней открывает доступ к злосчастному негодяю Кэлу. Лишь на мгновение показался край плеча в синей рубашке – но и этого было достаточно. В этот решающий миг Кэл Рейнольдс нажал на спусковой крючок, и страшный вопль сказал ему, что его пуля нашла свою цель. В крике поверженного противника прозвучала смертельная боль – и инстинкты Кэла были сметены безумным потоком ужасной радости. Он не завопил ликуя и не вскочил на ноги, но его зубы обнажились в волчьем оскале, и он невольно поднял голову. Проснувшийся инстинкт снова дернул его вниз, но – запоздало; такая блажь губила многих до него. Он не успел снова укрыться за камнем – ответный выстрел Брилла прогрехотал среди холмов.

Но Кэл Рейнольдс его не услышал, ибо одновременно со звуком что-то взорвалось в его голове, погрузив в кромешную тьму, прореженную красными искрами.

Однако тьма не объяла его навсегда. Кэл Рейнольдс дико огляделся по сторонам и с ужасом осознал, что лежит на открытом месте. Удар пули заставил его откатиться от камней; это было не прямое попадание. Шальной снаряд отскочил от камня, очевидно, мимоходом задев его скальп. Это было не так уж важно. Куда важнее было то, что он лежал на виду, и Исаву Брилли ничто не мешало настигнуть его свинцом. ... Диким взглядом Кэл нашарил винтовку – упав на камень, та прикладом уперлась в землю, а ствол нацелила в небо. Еще один беглый взгляд показал, что его враг стоит прямо среди камней, которые прежде скрывали его.

Кэл Рейнольдс разглядел подробно высокую, худощавую фигуру: черные брюки, все в пыли, пояс, обвисший под тяжестью шестизарядного револьвера в кобуре, поношенные кожаные ботинки – и алая полоса на плече синей рубашки, прилипшей к телу владельца. По взъерошенным черным волосам на небритое лицо стекал пот. Рейнольдс углядел блеск желтых от табака зубов, сверкнувших в дикой ухмылке.

Из дула винтовки Брилла все еще шел дым.

Эти знакомые и ненавистные детали проступили с поразительной ясностью в течение мимолетного мгновения, пока Рейнольдс безумно боролся с невидимыми цепями, которые, казалось, приковывали его к земле. Как только он подумал о параличе, который вполне может вызвать скользящий прилет по голове, ему показалось, будто что-то хрустнуло во всем теле, и он откатился в сторону. И не просто откатился: Кэл буквально примагнитился к своему оружию, лежавшему поперек скалы. Сила и прыть сами отравили его в этот полуполет.

Нырнув за камень, он схватил винтовку. Ему даже не пришлось поднимать ее: дуло уже было направлено прямо на человека, приближавшегося к нему.

Рука Кэла внезапно дрогнула из-за странного поведения Исава Брилла. Вместо того, чтобы выстрелить или отскочить в укрытие, мужчина шел прямо на него, держа винтовку на сгибе руки, с этой проклятой ухмылкой на небритом лице. Он сошел с ума? Неужели не видит,

что его враг снова встал, полный жизни, со взведенным курком у сердца? Брилл, казалось, смотрел не на него, а в сторону, на то место, где только что лежал Рейнольдс.

Не тратя времени на раздумья о действиях Брилла, Кэл Рейнольдс выстрелил. Из широкой груди Брилла брызнула кровь. Он отшатнулся, раззявив рот, и выражение его лица снова заставило Рейнольдса замереть. Исава Брилл был из породы тех, кто сражается до последнего вздоха. Не стоило сомневаться, что он продолжал бы слепо нажимать на спуск до тех пор, пока жизнь не уйдет из него с последней каплей крови. Но грохнувший выстрел стер с его лица гримасу свирепого торжества – ее сменило изумление. Он не попытался поднять свою винтовку, выскользнувшую из пальцев, и не схватился за рану. Раскинув руки в беспомощном жесте, он отшатнулся назад на медленно подгибающихся ногах. Его черты застыли в маске тупого изумления, которая заставила Кэла содрогнуться от ужаса.

Сквозь приоткрытые губы Брилла хлынул поток крови, окрашивая влажную рубашку. Подобно дереву под топором лесоруба, которое сперва только качается, но потом внезапно устремляется к земле, Исава рухнул в месkitовую траву и остался лежать неподвижно.

Кэл Рейнольдс поднялся, оставив винтовку там, где она лежала. Холмы, поросшие травой, плыли перед его взором, туманные и расплывчатые. Даже небо и пылающее солнце обрели вдруг мглистый нереальный вид. Но душа его ликовала.

Долгая вражда наконец закончилась, и независимо от того, получил он смертельную рану или нет, он послал Исава Брилла вперед себя – протоптать дорожку в пекло!..

Рейнольдс вздрогнул, бросив взгляд в то место, куда он перекатился после удара. Он пару раз моргнул; может, зрение сыграло с ним злую шутку? Вон там, в траве, лежит мертвый Исава Брилл, а всего в нескольких футах от него – еще одно распростертое тело...

Застыв от удивления, Рейнольдс впился взглядом в сухопарую фигуру рядом со скалами. Та лежала частично на боку, словно искореженный судорогой манекен, – руки раскинуты, пальцы скрючены, тщетно цепляясь за воздух. Коротко остриженные волосы песочного цвета забрызганы кровью, а через ужасную пробоину в виске виднеется мозг. Из уголка рта мертвеца сочилась тонкая струйка табачного сока, пачкая пыльный шейный платок.

И пока Кэл Рейнольдс смотрел, ужасное стало для него очевидным. Он сразу понял, кому принадлежали кожаные браслеты на запястьях, и с пугающей уверенностью знал, чьи руки застегивали этот пояс с оружием, а привкус табачного сока все еще ощущался у него во рту.

В одно короткое разрушительное мгновение Кэл понял, что взирает на собственное безжизненное тело. И вместе с осознанием этого на него снизошло *истинное* забвение.

Перевод Г. Шокина

Примечание

Рассказ написан в 1932 году. Первая публикация – журнал “Weird Tales”, июль 1933-го. Входит в выделяемый исследователями творчества автора условный подцикл «Сверхъестественный Юго-Запад». Ранее издавался под названием «Человек на земле» (в переводе известного российского энтузиаста и исследователя творчества Говарда Дм. Квашнина и А. Мирановой). Данный рассказ, поначалу развивающийся в реалистическом ключе и лишь в конце раскрывающий мистическую подоплеку событий, исследует еще один популярный троп литературы ужасов, так называемую «месть из могилы» (vengeance from beyond the grave), реализуя данный архетипический сюжет в декорациях Дикого Запада времен золотой лихорадки, – эта эстетика чрезвычайно импонировала Говарду, который, например, считал американского беспринципного преступника-стрелка Джона Уэсли Хардина одним из трех «величайших стрелков Запада» после Билли Кида и Дикого Билла Хиккока. Это может показаться странным, учитывая, что на совести Хардина множество импульсивных убийств представителей американского Севера и чернокожих, нередко совершенных выстрелом в спину, а Говард прославлял воинскую честь в историях о Конане-варваре. «Какие бы преступления ни совершали [люди

наподобие Хардина], – излагал он в одном из своих писем, – можно сказать, что они были более чем оправданы войной, которую они вели против вандалов, в то время грабивших Юг [многие современники Говарда, стоит заметить, придерживались тех же взглядов]. Я, конечно, не считаю человека преступником только потому, что он убивает личного врага в честном поединке. Некоторые из этих убийств – результат кровной мести, длившейся тридцать или сорок лет. Люди, совершившие их, ни в коем случае (или не обязательно) являются преступниками».

Обитатель холма

Стив Брилл не верил ни в демонические, ни в призрачные силы; а вот Хуан Лопес, напротив, нимало не сомневался в их реальности. И все же ни упорный скептицизм первого, ни истовая вера второго не уберегли их от ужаса, с коим довелось этим двоим столкнуться, — ужаса, о существовании которого в тех краях позабыли за три с лишним века, покуда он сам не напомнил вдруг о себе, воспрянув из мрачной бездны древности.

Когда в тот последний вечер Стив Брилл сидел на своем ветхом крыльце, его мысли были весьма далеки от зловещих угроз и являлись сугубо практичными; он хмуро оглядел свои поля и выругался. Брилл был высоким, длинноногим и крепким, как кожа ботинка, истинным сыном первооткрывателей стали, вырвавших землю Западного Техаса у Матери-Природы. Вечно загорелый, он был силен, точно длиннорогий бык; его тощие ноги были обуты в ковбойские сапоги. Теперь он проклинал себя за то, что покинул седло мустанга и занялся сельским хозяйством. Все-таки он не был рожден для фермерства!

Впрочем, в неудачах была не только его вина. Всю зиму шли сильные дожди — сушая невидаль по меркам Западного Техаса, — поэтому он надеялся на действительно хороший урожай. Но, как водится, ему не повезло: вскоре сильная буря почти уничтожила посевы кукурузы, а те ростки, что всё-таки взошли, сначала пострадали от засухи, а потом были побиты градом.

Хлопок, каким-то образом переживший самые трудные времена, в конце концов пал жертвой нашествия саранчи, почти за одну ночь уничтожившей поля Брилла. И теперь Брилл сидел, радуясь про себя тому, что не владеет землей, отнявшей у него столько сил. Продлевать договор аренды он, конечно, не будет — в западной стороне есть еще горы и широкие холмы, где сильный молодой человек всегда может преуспеть, зарабатывая себе на жизнь лассо и лошадьё.

Пока Брилл был занят этими угрюмыми мыслями, он увидел, что к нему приближается его ближайший сосед. Хуан Лопес был молчаливым старым мексиканцем, который жил в хижине за холмом и трудился поденщиком на соседних фермах. Сейчас он перекапывал участок земли на одной из них; чтобы вернуться в свою хижину, ему надо было пройти через пастбище Брилла.

От скуки Брилл смотрел, как он перелезает через забор из колючей проволоки и бежит по низкой сухой траве. Лопес работал на соседней ферме уже больше месяца: рубил жесткие,

сучковатые мескитовые деревья и выкапывал их невероятно длинные корни; Брилл знал, что он всегда идет домой одним и тем же путем. Хуан сделал крюк – вероятно, пытаясь обойти округлый холм, возвышающийся над пастбищем; старый мексиканец всегда обходил холм стороной. Брилл вспомнил, что он к тому же всегда ускоряет шаг, проходя мимо, и старается миновать холм до захода солнца, хотя мексиканские рабочие обычно трудятся от рассвета до заката, когда им платят утром, а не днем. Любопытство Брилла было возбуждено.

Он встал, не спеша спустился по пологому склону и помахал измученному мексиканцу.

– Эй, Лопес, обожди минутку!

Лопес оглянулся и остановился без особого энтузиазма, увидев идущего к нему белого человека.

– Лопес, – сказал Брилл, – это не мое дело, но я хотел спросить тебя: почему ты все время обходишь стороной этот старый индейский пригорок?

– Моя твоя не понимать, – буркнул тот.

– Старый лжец, – ласково сказал Брилл. – Ты очень умный, и твой английский так же хорош, как мой. В чем дело? Думаешь, на холме обитают привидения или что-то в этом роде? – Хотя Брилл говорил и мог читать по-испански, но, как большинство англичан, предпочитал общаться на родном языке.

Лопес только пожал плечами.

– Это нехорошее место, *no bueno*, – пробормотал он, избегая смотреть Брилли в глаза. – Гиблые вещи не стоят внимания, *si*?

– Я думаю, ты боишься привидений, – поддразнил Брилл. – Но если мы предположим, что это индейское капище, – краснокожих давно уж нет в этих краях. Они мертвы, так что и духи, которым они поклонялись, ушли.

Брилл знал, что неграмотные мексиканцы испытывают суеверное отвращение к таким насыпям, которые усеивают Юго-Запад, – памяти ушедшей, забытой эпохи, где покоятся гниющие кости вождей и воинов забытого народа.

– Не подходит тревожить то, что зарыто в земле, – прорычал Лопес.

– Чепуха, – ответил Брилл. – Я и пара моих дружанов копали один из тех курганов в Пало-Пинто – доставали кости, бусы, наконечники кремневых луков и тому подобную ветошь. Я сохранил пару индейских зубов на память – долго с ними ходил, покуда в конце концов не посеял где-то. Как видишь – жив, здоров...

– Индейцы? – резко огрызнулся Лопес. – Кто говорит об индейцах? В этой стране были не только индейцы. Странные вещи происходили здесь в древние времена. Я слышал всякие истории своего народа, мы передаем их из поколения в поколение. И мои люди были здесь задолго до тебя, сеньор Брилл.

– Да, это верно, – признал Стив. – Первыми белыми в этой стране были, конечно же, испанцы. Говорят, что Коронадо прошел недалеко отсюда и что экспедиция Эрнандо де Эстрады тоже сюда добралась. Это было давно, когда именно – знать не знаю...

– Одна тысяча пятьсот сорок пятый год, – просветил его Лопес. – Они разбили лагерь там, где сейчас стоит твой загон.

Брилл повернулся и посмотрел на свой огороженный загон, где стояли его верховая лошадь, пара ломовых и тощая корова.

– Откуда ты так много знаешь об этом? – спросил он с любопытством.

– Один из моих предков был в экспедиции де Эстрады – солдат Порфирио Лопес. Он рассказал своему сыну об этой экспедиции, тот рассказал своему сыну – и так эта история дошла до меня через несколько поколений. А у меня нет сына, чтобы поделиться ею.

– Однако, ты у нас знаток! Случаем не в курсе, где золото, которое, как говорят, здесь припрятал де Эстрада?

– Золота не было, – проворчал Лопес. – Солдаты де Эстрады несли только свое оружие, и им приходилось пробиваться через вражескую территорию – очень многие погибли по пути. Позже – много лет спустя – караван мулов из Санта-Фе подвергся атаке команчей. Те люди, что его вели, спрятали золото, надеясь спастись. Эти две истории перепутались. Но и того золота тоже давно уж нет, потому что пара гринго, охотников на буйволов, нашла его и выкопала.

Брилл рассеянно кивнул, почти не слушая Лопеса. Ни в одном другом месте на континенте не ходит столько легенд о спрятанных сокровищах, как на Юго-Западе. Неисчислимые богатства кочевали взад и вперед по холмам и равнинам Техаса и Нью-Мексико в древние времена, когда золотые и серебряные рудники Нового Света принадлежали испанцам, которые также контролировали прибыльную торговлю мехом на Западе, – рассказы о той роскоши до сих пор потрясают воображение, и у Брилла родилась зыбкая мечта найти сокровище; череда неудач и гнетущая нищета лишь подпитывали ее.

Вслух он сказал:

– А знаешь, раз мне больше нечего делать – думаю, раскопаю я этот старый холм, ну и посмотрю, что там найду.

Это заявление повергло Лопеса в настоящий шок. Он попятился, его темное лицо стало пепельным. Его черные глаза вспыхнули, а затем мужчина вскинул руки вверх в яростном жесте протеста.

– *Dios mio*, нет! – воскликнул он. – Не делай этого, сеньор Брилл! Проклятое там место – мне о нем дедушка такое рассказывал...

– И что он рассказал тебе?

Лопес погрузился в мрачное молчание.

– Я не могу поделиться этим, – наконец пробормотал он. – Я клялся хранить молчание. Я могу довериться только своему старшему сыну. А ты просто поверь мне, когда я говорю, что лучше перерезать себе горло, чем копать этот поганый холм!

– Ну, – сказал Брилл, недовольный мексиканской суеверностью, – если все так ужасно, почему бы тебе не рассказать, чем мне грозят раскопки? Хоть одну разумную причину приведи, по которой мне нельзя заняться этим прямо сейчас!

– Не могу я об этом болтать! – отчаянно возопил мексиканец. – Я только знаю, что все это – правда! Но я поклялся Святым Распятием, что буду хранить молчание; так поклялся каждый мужчина в моей семье. Тут замешаны настолько темные силы, что я под проклятие себя подвожу, просто упоминая о них! Если разболтаю тебе – прощай, спасение души! Я дал клятву – и раз у меня нет сына, то и уста мои запечатаны навеки!

– Тогда, – саркастически заметил Брилл, – почему бы тебе не написать об этом?

Лопес вздрогнул, глядя на него, – и, к удивлению Стива, согласился с предложением.

– Напишу! Благодарение Богу, хороший священник научил меня писать, когда я был ребенком. В моей клятве не упоминалось о запрете на запись. Я лишь поклялся не говорить вслух... Я все запишу для тебя, если ты поклянешься, что не будешь говорить об этом и сожжешь бумаги, как только прочтешь их.

– Конечно, приятель, что за вопрос! – ответил Брилл благодушно, и старый мексиканец вздохнул с облегчением.

– *Bueno!* Я немедленно пойду домой и все запишу. Я принесу тебе бумаги завтра, когда пойду на работу, и тогда ты поймешь, почему никому не разрешено копать чертов холм! – С этими словами Лопес поспешил домой с необычной прытью. Стив с ухмылкой посмотрел ему вслед, пожал плечами и пошел обратно в хижину. Но потом снова остановился и оглянулся на невысокий округлый холм, поросший травой со всех сторон. Это могла быть только индейская могила, потому что возвышенность была симметричной и в остальном очень походила на подобные природные погосты, которые Стиву довелось повидать. Он призадумался, силясь понять потенциальную связь между таинственной насыпью и предком Хуана Лопеса.

Брилл снова глянул на удаляющуюся прочь фигуру старого мексиканца. Неглубокая долина, разделенная почти пересохшим ручьем и окаймленная деревьями и кустарниками, лежала между пастбищем и невысоким пологим холмом, за которым стояла хижина Лопеса. Когда старый мексиканец исчез между деревьями, растущими вдоль ручья, Брилл принял спонтанное решение.

Он поспешил вверх по склону и принес кирку и лопату из сарая за своей хижинкой. Солнце еще не зашло, и Брилл рассудил: если начать копать прямо сейчас – еще останется достаточно светлого времени, чтобы успеть рассмотреть извлеченную из земли добычу. А если там окажется что-нибудь интересное, он вполне может продолжить рыть и при свете фонаря. Стив был из той породы людей, которые полностью готовы отдаться минутному порыву, – теперешний требовал немедленно взяться за таинственный холм, чтобы выяснить, что же в нем все-таки сокрыто. На самом деле уклончивые и невнятные ответы Лопеса лишь укрепили Брилла в мысли о том, что здешняя земля таит в себе золото. Необработанная руда из позабытых шахт, чеканные монеты древней Испании – почему бы и нет? Возможно, молодчики де Эстрады сами насыпали этот холм на сокровище, которое не могли взять с собой, и придали ему форму индейской могилы, чтобы ввести в заблуждение охотников за кладами! Знает ли об этом старый Лопес? Если мексиканцу действительно известно о наличии там сокровищ, неудивительно, что он не хочет нарушать их покой. Движимый мучительным суеверным страхом, он, вероятно, предпочитает жить в аскезе, чем рисковать гневом скрывающихся там духов и дьяволов, ибо мексиканцы говорят, что спрятанное золото всегда проклято, – и, конечно же, осквернение этого схрона неизбежно приведет к ужасным последствиям. Что ж, подумал Брилл, англичане не боялись латиноамериканских индейских дьяволов – их только мучили демоны засухи, бурь и неурожаев.

Стив усердно принялся за работу. Задача была не из легких; земля, спекшаяся под безжалостным солнцем, была тверда, как металл, пересыпана камнями и галькой. Брилл обильно потел и стонал от напряжения, но лихорадка охотника за сокровищами уже давно овладела им. Он утирал пот с глаз и вонзал уступ лопаты в землю такими могучими ударами, что твердая земля раскалывалась и рассыпалась.

Когда солнце уже садилось, Стив продолжал трудиться в долгих летних сумерках, забыв обо всем на свете. Он нашел следы древесного угля в земле – и решил, что холм был настоящей индейской гробницей: мужчине доводилось слышать, что древние племена зажигали на погостах костры и поддерживали горение несколько дней и ночей кряду. Во всех захоронениях, которые до этого видел Стив, на небольшой глубине располагался черный пепельный слой; тут он был меньше и залегал неравномерно. Брилл понял, что испанский клад ему вряд ли светит, но продолжал копать. Кто знает, может быть, древнее племя не жалело сокровищ для своих мертвецов?

Стив радостно вскрикнул, когда под лопату попался небольшой кусок металла. Он поднял его и поднес к глазам. Находка, сплошь изрытая ржавчиной, была не толще листа плотной бумаги, но он почти сразу понял, что это – колесико шпоры. Судя по характерным острым зубцам, оно некогда крепилось к сапогу какого-нибудь испанца. Но ни один испанец никогда не прикасался к этому схрону – он, несомненно, был индейского происхождения. Почему же реликвия испанских кабальеро была зарыта так глубоко в эту твердую землю?

Брилл покачал головой и вернулся к работе. Он знал, что в центре могилы – если это действительно могила аборигенов – есть узкая камера из тяжелых камней; в ней должны лежать кости вождя, в честь которого был построен погост, и тех несчастных, кто был принесен в жертву на холме.

В сгущающейся темноте Стив Брилл почувствовал, как его лопата ударила во что-то твердое. Он ощутил находку, а затем рассмотрел так внимательно, как только мог в набегающих сумерках; осмотр показал, что Стив нашел твердую, грубо отесанную плиту – без сомнения,

это был вход в камеру смерти. Попытки разбить камень оказались безуспешными. Брилл бил и рубил плиту острым краем лопаты, сбивая грязь и камешки с углов. В конце концов ковбой понял, что расчистил ее настолько, что стоит поддеть лопатой и как следует поднажать – и огромный камень съедет в сторону.

Только теперь он заметил, что его окружает полная темнота. В свете молодой луны все вокруг казалось призрачным, туманным. Его мустанг тихонько заржал в загоне – и захрустело зерно, разминаемое челюстями скотины. Песня козодоя зловеще изливалась из черных теней, залегших вдоль узкого извилистого ручья. Брилл с неохотой встал: он решил принести фонарь и продолжить работу при свете.

Стив принялся шарить по карманам, разыскивая спички, – и вдруг замер. То ли его воображение сыграло с ним дурную шутку, то ли под каменной плитой и вправду раздался негромкий зловещий шорох? Неужели змеи? Без сомнения, их норы были где-то внизу холма; возможно, дюжина гигантских гремучих змей с ромбовидным узором чешуи свернулась клубочком внутри сырой норы в земле, терпеливо ожидая, когда он сунет в их логово руку... Он невольно вздрогнул при мысли об этом и отступил от вырытой им ямы.

Вслепую ковыряться в земле смысла не было. Стив почувствовал слабый неприятный запах, идущий из щелей в земле, – причина вони, стоило признать, могла быть как рептильного свойства, так и любого другого... но точно – недоброго, зловещего. Внутри склепа, опять же, не могли не копиться трупные газы, опасные для живых.

Стив положил кирку и спустился с холма, досадуя на негладанную задержку. Он вошел в темную хижину, чиркнул спичкой и потянулся к керосиновой лампе, висевшей на гвозде, вбитом в стену. Мужчина встряхнул ее; убедившись, что там еще достаточно керосина, закурил и поспешил назад к холму. Раскопки так увлекли ковбоя, что он не хотел ни есть ни пить, а рассказ Лопеса и найденная испанская шпора подстегнули его и без того не в меру развитое любопытство.

Он выскочил из хижины. Покачивающийся фонарь отбрасывал длинные искаженные тени, лежащие впереди и позади него. Он усмехнулся, представляя себе реакцию Лопеса на

следующее утро, когда тот поймет, что заповедная насыпь раскопана и обыскана. «Все-таки я правильно сделал, решив заняться этим сегодня, – подумал Брилл, – а то ведь Лопес мог бы помешать, проведая он о моих планах».

В мечтательной тишине летней ночи Брилл добрался до холма, поднял фонарь – и тут же ошеломленно выругался. В свете фонаря он увидел вырытую яму, разбросанные всюду инструменты – и черную зияющую дыру, ведущую в самое нутро холма! Большой камень лежал неподалеку от нее – будто его просто выбили изнутри и откинули прочь.

Брилл осторожно посветил лампой в отверстие и, заглянув в маленькую пещеристую полость, понял, что там ничего нет – лишь голые каменные стены длинной узкой ниши, достаточно большой, чтобы уложить туда человеческое тело. Очевидно, ее изнутри сплошь выложили грубо отесанными под квадратную форму валунами – хитроумно, прочно.

– Вот же... Лопес! – сердито воскликнул Стив. – Эта лиса драная! Наблюдал, как я тут работаю, а как за фонарем пошел – подкрался, убрал валун и все вычистил! Ну, я ему сейчас устройю веселую жизнь! Живьем шкуру спущу! – В ярости он погасил фонарь и посмотрел на плоскую, поросшую кустарником долину. И вдруг увидел нечто такое, что заставило его замереть. Тень промелькнула над краем холма позади хижины Лопеса. Тонкий серп луны уже медленно опускался, и в свете зари игра теней была тем более обманчивой. Но зрение Стива было натренировано ярким солнечным светом и свирепым ветром бесплодного ландшафта, и он разглядел двуногую фигуру, исчезающую на плоском склоне холма за мескитовыми деревьями.

– Бежишь назад в хижину, а? – прорычал Брилл. – Наверняка утянул что-то из склепа – стал бы ты иначе так торопиться!

И вдруг Бриллу сделалось не по себе – он и сам не понял почему. По хребту пробежала дрожь. Было что-то странное и противоестественное в фигуре старого латиноса, бегущего домой со своей добычей. Да и мчался он какой-то нечеловеческой рысью. Только какая-то очень веская причина могла заставить неуклюжего старика Хуана Лопеса нестись с такой бешеной скоростью.

– Все, что он нашел, принадлежит мне так же, как и ему, – подбодрил себя Брилл, пытаясь выбросить из головы неестественную походку убегающего. – Я арендовал эту землю и раскопал холм. Нет никаких проклятий! Не зря, ох не зря он мне все это понарасказывал – мол, держись, друг, подальше, чтобы мне побольше досталось! Удивительно, и как это он раньше оттуда все не выудил? Кто ж знал, что за каша варится в этой хитрой башке...

Стив побежал по плоскому склону пастбища к руслу ручья. Он нырнул в тень деревьев и густой подлесок. Пересекая пересохший ручей, он подметил отстраненно, что в темноте не слышно ни крика козодоя, ни уханья совы. Все живое словно затаилось, а Стив знал: такое случается неспроста. Стволы деревьев будто придвинулись друг к другу, загораживая путь, и темень среди них воцарилась совершенно непроглядная – Стив пожалел, что погасил лампу, которую все еще нес, и был рад, что взял кирку; он крепко сжимал ее в правой руке, как боевой топор. Ковбою захотелось свистнуть, чтобы нарушить тишину, но он просто выругался и отбросил эту мысль.

Он поднялся по склону и остановился на вершине холма. Отсюда Брилл мог видеть поросшую мескитом равнину, на которой стояла ветхая хибара Лопеса. В одном из окон мелькал отблеск света.

– Полагаю, кто-то собирает вещи, чтобы сбежать, – проворчал Стив. – Ну, что за...

Он пошатнулся, как будто его сильно толкнули: чей-то испуганный крик прорезал тишину, словно нож. Ему хотелось закрыть уши руками, чтобы спастись от этого ужасного звука, который становился все более и более невыносимым, пока наконец не сошел на нет с ужасным бульканьем.

– Бог мой! – Стив почувствовал, как на теле выступил холодный пот. – Лопес... что же это такое творится...

Он помчался вниз по холму. Что-то ужасное учинили в этой одинокой хижине, и он узнает, что это такое, даже если встретит там самого дьявола! На бегу он крепче сжал кирку. Видать, на Лопеса напали снующие по равнинам мародеры – так думалось ему, и ковбой даже забыл про свой гнев на старика. Тот, кто поднял руку на его соседа Лопеса, вот-вот увидит самую страшную сторону ковбоя Стива: хоть латинос и завзятый хитрюга, жестоко обходиться с ним Стив Брилл не позволит.

Удалый земледелец прибавил скорость. Свет в хибаре погас. Стив споткнулся – и врезался в мескитовое дерево с такой силой, что искры из глаз посыпались. Грубая кора ободрала ему руки. С тихим проклятием он поднялся на ноги и снова поспешил к жилищу соседа. Ковбой пытался подготовиться к тому, что его там ждало, – и волосы на затылке вставали дыбом, когда он думал о том жутком крике...

Брилл толкнул дверь хижины. Она была заперта. Он позвал Лопеса, но не получил ответа. Внутри хижины слышался приглушенный шум. Ковбой приноровился – и с размаху опустил кирку на дверь. Хлипкие дощечки так и разлетелись во все стороны. Брилл ступил за порог; кирку он держал высоко над головой, в любой момент готовясь нанести новый отчаянный удар. Но зловещую тишину не нарушал ни один звук. Ничто не шевелилось в темноте, хотя живое воображение Брилла рисовало в темных углах хижины бесчисленные устрашающие фигуры.

Вспотевшей рукой он нашарил спичку и зажег ее. Кроме него самого, в хижине был только старый Лопес – мертвый, точно кирпич в стенной кладке, с раскинутыми руками, будто перед распятием. Разинутый рот придавал лицу покойника почти идиотское выражение, а широко раскрытые глаза таранились в пространство так испуганно, что Брилл с содроганием отвернулся от тела.

Единственное окно было открыто – значит, убийца скрылся. Возможно, тем же путем, каким сюда проник. Ковбой подошел к окну и осторожно выглянул наружу. Он видел только плоский склон холма с одной стороны и равнину мескитовых деревьев – с другой. Мужчина вздрогнул – не шевелилось ли что-то меж чахлах ствол и тенистых кустов? Или ему только показалось, что он увидел темную проворную фигуру в той редкой чаще?

Когда спичка догорела до кончиков пальцев, Стив Брилл обернулся. Он зажег старую керосиновую лампу, стоящую на прочном столе, и коротко выругался, обжегши себе руку. Стекло лампы было очень горячим, как будто она простояла зажженной несколько часов.

Нерешительно он повернулся к труп на полу. Какая бы смерть ни постигла Лопеса, он перед нею набрался такого страха, какого врагу не пожелать. Ковбой очень внимательно осмотрел убитого, но не нашел следов ни от ножевого ранения, ни от сильного удара дубинкой. Но погодите-ка! Брилл заметил тонкую полоску крови на руке, которой обшаривал тело. Через некоторое время он нашел причину: на горле Лопеса было три или четыре крошечных, но, по-видимому, глубоких прокола, из которых сочилась густая темная кровь. Сначала Брилл подумал, что эти ранки нанесены стилетом – тонким кинжалом с шиповидным лезвием, – но потом покачал головой. Видал он стилет в действии, да и сам когда-то пользовался этой штукой. Нет, раны больше походили на укусы животного – скажем, следы чьих-то острых клыков. Но вряд ли они докончили старого Лопеса – скорее всего, он преставился от сильного испуга, а кусали его уже либо в момент смерти, либо сразу после.

На полу валялись несколько грязных листов бумаги, на которых старый мексиканец что-то нацарапал своим корявым почерком, – точно, ведь он обещал записать историю проклятой насыпи! Вот листы бумаги, на которых он писал, вот огрызок карандаша, вот еще горячая лампа – все говорило о том, что несколько последних часов старый мексиканец провел в хижине, делая записи. Значит, он не открыл погребальную камеру и не украл ее содержимое – но кто же тогда, во имя Бога, это был? И кого – или что – видел Брилл у подножия холма?

Ему оставалось только оседлать своего мустанга и проехать десять миль до Койот-Уэллс, ближайшего города, чтобы сообщить об убийстве шерифу.

Брилл собрал листки. Последний был зажат в кулаке старика, и Брилл с трудом вытащил его. Повернувшись, чтобы погасить свет, он снова ощутил ползучий страх перед каким-то призрачным существом, которое, как ему казалось, он видел проносящимся мимо окна как раз перед тем, как в хижине погас свет. Не было ли в этом существе чего-то ненормального, нечеловеческого, чего-то странного, не имеющего ничего общего с тусклым светом лампы и тенями? Словно вспоминая подробности кошмара, Стив попытался собраться с мыслями и разобраться, почему этот краем глаза пойманный проблеск так расстроил его.

Он снова выругался, как бы ободряя себя, затем зажег фонарь, задул лампу на старом столе и решительно направился к двери с киркой наперевес. Почему его вообще должны беспокоить какие-то, казалось бы, ненормальные обстоятельства гнусного убийства? Такие преступления были ужасающими – но далеко не редкостью, особенно среди мексиканцев, склонных к открытой вражде.

Когда он вышел в тихую звездную ночь, что-то вдруг остановило его. Из-за ручья донесся леденящий кровь рев испуганной лошади, за которым последовал сбивчивый стук копыт, вскоре затихший вдалеке.

– Что за чертовщина! – выкрикнул ковбой, настороженно оглядываясь. Мысли путались. В горах притаилась пантера? Неужели могучая кошка убила старого Лопеса? Но тогда почему на теле убитого не было никаких следов от ее ужасных изогнутых когтей? А кто потушил свет в хибаре?

Задавая себе эти вопросы, Брилл стремглав помчал к темному ручью: ни один ковбой не оставит свой скот в беде. Продираясь сквозь кусты в темноте по берегу высохшего ручья, Стив понял, что во рту у него страшно пересохло – как бы сейчас пригодилась порция жевательного табака! Он поднял фонарь повыше – свечение мало что могло противопоставить чернильной ночи и, казалось, лишь сгущало темень. По какой-то необъяснимой причине Бриллу в этот момент пришло в голову, что эта страна, относительно новая для англичан, на самом деле невероятно стара. Раскопанная, оскверненная гробница была неммым доказательством того, что люди уже очень давно знали эту землю, – и вдруг ночь, холмы и тени навалились на Брилла всей тяжестью своей ужасной древности. Поколения людей жили и умирали здесь задолго до того, как предки ковбоя слышали об этой земле. Берега этого ручья, без сомнения, видели смерть множества людей... В таких мрачных думках Брилл поспешил сквозь рошу густых деревьев.

Он вздохнул с облегчением, когда вышел из нее на своей стороне ручья. Ковбой поспешил вверх по пологому склону к ограде загона, поднял фонарь и внимательно огляделся. Загон был пуст; даже ленивой коровы не было видно. Ворота были открыты – значит, здесь побывал человек; это придавало делу серьезный оборот. Кто-то явно хотел помешать Бриллу сегодня вечером поехать в Койот-Уэллс. Это могло означать только то, что убийца был в бегах и боялся угодить в руки закона, или... Брилл криво усмехнулся. Ему казалось, что он до сих пор слышит стук копыт, разносившийся по равнине мескитовых деревьев. Что, во имя Бога, так напугало животных? Холодный перст страха пронзил его насквозь – и заставил содрогнуться.

Стив вернулся в свою хижину, но не решился сразу войти внутрь. Он прокрался широкой дугой вокруг сарая, с дрожью вглядываясь в затемненные окна, с болезненным напряжением прислушиваясь к любому шуму, который мог бы выдать убийцу, таящегося внутри. В конце концов он набрался смелости и решил войти. Ковбой толкнул дверь так сильно, что она ударилась о стену, – он хотел убедиться, что никто не прячется за ней. Стив вошел, высоко подняв фонарь. Его сердце бешено билось; Брилл сжимал рукоять кирки со смесью страха и яростного гнева. Однако никто не набросился на него, и краткий обыск в сарае ничего не дал.

Со вздохом облегчения Брилл запер двери и окна и зажег керосиновую лампу. Мысль о старом Лопесе, о его трупe с остекленевшими глазами, лежащем в одиночестве в хижине на другом берегу ручья, беспокоила его, но он не собирался идти в город посреди ночи.

Ковбой вытащил из укромного места свой верный ветеранский кольт 45-го калибра, покрутил голубой стальной цилиндр и грустно улыбнулся. Убийца, верно, планировал не оставлять в живых свидетелей своего преступления. Ну что ж, пусть приходит! Он – или она – вскоре обнаружит, что молодой ковбой с шестизарядным револьвером не такая легкая добыча, как безоружный старый мексиканец. Тут Брилл вспомнил бумаги, которые захватил из хибары Лопеса. Осторожно, чтобы не оказаться перед окном, через которое могла бы вдруг влететь пуля, он сел и стал читать, чутко прислушиваясь к любому малейшему звуку.

По мере того как он расшифровывал каракули Лопеса, холодный ужас медленно рос внутри него. История, написанная старым латиносом и передававшаяся из поколения в поколение – история *древняя* и необычная, – оказалась полна ужасов.

Брилл читал об экспедициях благородного Эрнандо де Эстрады и его вооруженных наемников, отправившихся в пустыни Юго-Запада, когда территория была еще совершенно чужой и неразведанной. Вначале, как писал Лопес, группа состояла примерно из сорока солдат, не считая слуг. Кроме того, в состав экспедиции входил сам капитан де Эстрада, священник, молодой Хуан Завилла и дон Сантьяго де Вальдес. Последний был загадочным дворянином, спасенным с корабля, дрейфующего в Карибском море. Де Вальдес утверждал, что все члены экипажа и пассажиры умерли от гриппа и он выбросил их тела в море. Де Эстрада взял его на борт корабля испанской экспедиционной группы, удостоверившись, что новый пассажир абсолютно здоров.

Брилл узнал об их скитаниях, которые старый Лопес пересказывал в своей неуклюжей манере, ничуть не умалявшей эффект текста. Ужасны были лишения первооткрывателей: засуха, жажда, наводнения, песчаные бури в пустыне, копыта враждебных краснокожих. Но старый Лопес говорил и о другой угрозе – о роке, постигшем одинокий караван, несущийся рысью по бескрайним просторам дикой природы. Один за другим члены экспедиции становились его жертвами, но никто не знал, кто был убийцей. Страх и черное суеверие терзали сердца участников экспедиции, как лютый нарыв, и их руководитель не знал, что и предпринять. Все знали лишь одно: среди них был дьявол в человеческом обличье.

Мужчины постепенно отдалялись друг от друга. Их взаимное недоверие и попытки искать безопасности в одиночестве только облегчали задачу врагу. Остатки экспедиции, спотыкаясь, брели по дикой местности – потерянные, невменяемые и беспомощные, – а невидимый ужас все еще был рядом с ними, увлекая за собой странников, преследуя дремлющих часовых и спящих путников. На глотках всех бледных, обескровленных жертв были обнаружены острые раны от клыков, так что выжившие знали, с каким злом они имеют дело. Люди брели по пустыне, взывая к своим святым, в ужасе призывая Бога и изо всех сил борясь со сном.

Вскоре большинство путников стали подозревать высокого чернокожего мужчину, раба-каннибала из Калабара. Но даже после того, как его заковали в цепи, очередной жертвой нападавшего стал юный Хуан Завилла, а затем смерть настигла священника. Однако тому удалось отбиться от своего дьявольского противника, и он продержался достаточно долго, чтобы на последнем издыхании назвать де Эстраде имя демона.

Брилл снова вздрогнул и продолжил водить по строкам широко раскрытыми глазами.

...Итак, де Эстрада убедился, что добрый священник сказал правду. Убийца – дон Сантьяго де Вальдес, вампир, питавшийся кровью живых, нежить. Де Эстрада вспомнил одного особо гнусного дворянина, который еще с мавританских времен скитался по горам Кастилии, питаясь кровью своих беспомощных жертв, даровавшей ему бессмертие. Этот дворянин был изгнан; никто не знал, куда он бежал, но было очевидно: он и дон Сантьяго – один и тот же человек. Судя по всему, злодей бежал из Испании на корабле, и теперь де Эстрада знал, что люди на этом корабле погибли не от гриппа, как уверял монстр, а от вампирских клыков.

Де Эстрада вместе с чернокожим и несколькими оставшимися в живых солдатами отправились на поиски и нашли де Вальдеса спящим, распластавшимся в густых зарослях и напившимся человеческой кровью своей последней жертвы. Хорошо известно, что перенасыщенный вампир впадает в глубокий сон, как большая змея, и его можно безопасно одолеть. Но де Эстрада понятия не имел, как избавиться от монстра, ведь как убить нежить? Вампир – это человек, который давным-давно умер, но ведет странное, отвратительное существование.

Мужчины потребовали, чтобы благородный кабальеро вонзил кол в сердце врага, отрубил ему голову и произнес слова, которые окончательно рассыпят в прах давно мертвое тело, – но священника, знавшего эти слова, с ними уже не было, и де Эстрада опасался, что чудовище может проснуться во время ритуала.

Итак, люди схватили дону Сантьяго, осторожно подняли его и отнесли к древнему индейскому погосту неподалеку. Они разрыли погост, извлекли кости, которые нашли внутри, а затем поместили туда вампира и снова запечатали гробницу, надеясь, что Господь будет держать ее запертой до Судного дня.

«Это проклятое место, – написал в заключение Лопес, – и лучше бы я умер с голоду где-нибудь давным-давно, задолго до того, как приехал в эту часть страны в поисках работы, – потому что я *знал* об этом ручье и том холме с его ужасной тайной. Знал о них с детства. Надеюсь, теперь тебе ясно, добрый мой сосед сеньор Брилл, почему не должно тревожить землю на холме – чтобы ненароком не пробудить страшное чудовище». Далее следовал резкий карандашный штрих, порвавший бумагу; на этом записи оканчивались.

Брилл был бледен; его сердце тяжело колотилось, а язык присох к нёбу. Он прокашлялся. Значит, найденная им шпора была потеряна кем-то из выживших испанцев при спешных раскопках. Стоило догадаться еще тогда, когда эта не столь древняя вещица попала в мешанине из земли и однозначно более старого прогоревшего угля... Стив невольно сжался, пытаясь представить, как же выглядит нежить. Вот кровососущий труп начинает шевелиться во мраке могилы, вот он сильно ударяет по каменной глыбе, которую ковбой, не ведая, на чем стоит, сковырнул. Вспомнилась и призрачная фигура, вприпрыжку несущаяся по холму на свет в окне хибары, и немыслимо длинная рука, протянувшаяся по ту сторону замызанного стекла...

– Что за блажь! – выдохнув, выпалил Стив Брилл. – Лопес, видать, сбрендил! Никаких вампиров не существует! Если кто-то из той могилы и вылез – почему он напал не на меня в первую очередь, а на старика? Если только он не хотел осмотреться и почувствовать себя в безопасности, прежде чем валить крупную дичь... Черт! Все равно – какой-то бред!

Он поперхнулся последними словами. Через окно на него глядело внезапно явившееся лицо, беззвучно шевелящее губами. Стылые немигающие глаза впились, казалось, в самую суть души. Брилл заорал благим матом, и отвратительное видение исчезло. Но воздух в хижине наполнился гнилостным трупным запахом – таким же, как на вскопанном холме. Дверь затрещала, медленно прогибаясь под напором того, кто ломился в хижину снаружи...

Наконец дверь скрипнула – и приоткрылась. Брилл отступил к стене; пистолет в его руке сильно трясся. Ковбою и в голову не пришло выстрелить – охваченный смятением, он думал лишь о том, что от древнего богохульного ужаса, рожденного в недрах ночи, его отделяет только эта тонкая деревянная перегородка. Глаза Брилла полезли на лоб, когда он увидел, что дверь открылась шире, и услышал заунывный стон, делавшийся все громче и громче...

Затем дверь окончательно распахнулась. Брилл не закричал. Его язык прилип к нёбу, как замороженное мясо – к палашу. Испуганными глазами он глядел на высокую, похожую на стервятника фигуру: ледяные огоньки зрачков, длинные черные ногти, гниющая старая одежда: высокие сапоги со шпорами, продавленная шляпа с оторванным пером... Только мешковатый плащ сохранился лучше остальных предметов гардероба, ставших черными лохмотьями.

Теперь эта ужасная тварь из прошлого стояла в темном дверном проеме, и у Брилла закружилась голова. От фигуры исходил ужасный холод; от нее воняло землей и отбросами бойни. Внезапно с поистине нечеловеческой прытью нежить прыгнула прямо на него.

Брилл выстрелил в монстра в упор и увидел, как из его груди, в том месте, куда пуля угодила, взметнулась пригоршня праха. Вампир пошатнулся – и только. Видя, что тварь снова направляется к нему, Брилл издал сдавленный крик и отпрянул к стене; револьвер вывалился из его онемевших пальцев. Значит, темные легенды были правдивы: человеческое оружие не способно навредить мертвецу – нельзя убить того, кто уже много веков как мертв. Мог ли ходячий труп познать смерть второй раз?

Почувствовав, как когтистые лапы сдавливают ему горло, молодой ковбой пришел в себя – и принялся изо всех сил сопротивляться. Как его предки сражались голыми руками, когда их шансы были ничтожны, так и Стив Брилл теперь давал отпор холодному, мертвому, потустороннему существу, намеренному поживиться его кровью.

Брилл потом почти не мог припомнить эту жестокую схватку. Остались в памяти лишь собственный оглушительный крик и то, как он, словно дикая кошка, вырывался, царапался, кусался, молотил кулаками нелюдя, чудом уклоняясь от страшных длинных острых ногтей, напоминавших когти пантеры, и зубов, готовых вонзиться в шею. Двое катались по полу, сцепившись в дикой схватке; во все стороны летели обломки мебели, прах, клочки ткани. Ярость вампира была такой же неотступной, как отчаяние его обезумевшей жертвы.

В конце концов они оба со всего маха рухнули на стол, опрокинув его, и керосиновая лампа, слетев со столешницы на пол, разбилась. Бесчисленные маленькие языки пламени брызнули на стены. Брилл почувствовал, как бок обдало горящим маслом, но в пылу битвы не придавал этому значения. Черные когти рвали его, а нечеловеческие глаза с горящими потусторонней голубизной зрачками опаляли душу холодным огнем. Под отчаянной хваткой Стива плоть монстра казалась твердой и сухой, как древесина. Волны слепого безумия захлестывали Брилла; словно человек, борющийся с кошмаром, он кричал и метался, а огонь продолжал бушевать вокруг него, распространяясь на стены и крышу.

Среди искр и пламени они продолжали борьбу – демон и смертный на пороге геенны огненной. Брилл почувствовал, что в сгущающемся дыму ему все труднее дышать, и берег силы для последнего решающего удара. Ковбой оттолкнул монстра, немного перевел дух, утер кровь с лица и вновь отчаянно бросился на врага. Смертный сурово вцепился в нежить. Вампир брыкался и пытался вырваться из захвата Брилла, но тому удалось поднять врага высоко над полом – и обрушить спиной на торчащую кверху ножку перевернутого стола. Хребет мертвого отродья переломился, будто толстая ветвь, и кровососущий труп, упав на пол, застыл в искривленной позе. Но конец ему не настал – глаза по-прежнему полыхали адским голодом, и, как раздавленная мокрица, чудовище на руках поползло к ногам Стива, щелкая пастью.

Оступаясь и задыхаясь в дыму, Стив Брилл на ощупь пробрался к двери и выбежал на улицу. Вытирая залитые потом и кровью глаза, он припустил через месkitовую чащу так, будто за ним все силы ада отправились в погоню. Он бежал и бежал через кусты и тернии, покуда не свалился наземь в сильном изнеможении. Увидев горящую хижину, он всячески возблагодарил Бога за то, что огонь сожжет ее полностью и пожрет не только кости дона Сантьяго де Вальдеса, но и последние записи Лопеса, таким образом навсегда стерев сраженную им гнусную нечисть из людской истории.

Перевод Г. Шокина

Примечание

Рассказ написан в 1931 году. Первая публикация – журнал “Weird Tales”, май 1932-го. Входит в выделяемый исследователями творчества автора условный подцикл «Сверхъестественный Юго-Запад». Стивен Джонс, британский составитель тематических антологий рас-

сказов ужасов, охарактеризовал данное произведение как «первый в истории жанра вампирский вестерн». Рассказ был адаптирован сценаристом Гарднером Фоксом для второго выпуска комиксов «Комната страха» (Chamber of Chills) и вышел в январе 1973 года под названием «Монстр с холма» с иллюстрациями художника Фрэнка Браннера.

Проклятье моря

*Кто-то придет к ней домой в угасающем свете,
Кто-то на зов сновидения в яви ответит,
Ливень в ночи сообщит – она точно услышит,
Как они все соберутся на балке под крышей...*

Д. Р. Киплинг, Хозяйка морей

Джон Калрек и его закадычный друг Канул Гнилоуст были дебоширами и самыми большими хвастунами, самыми отъявленными задирами и запойными гуляками в маленьком городке Фаринг. В детстве я неоднократно прокрадывался к двери таверны, чтобы подслушать их проклятия, их безбожные ссоры и разудалые моряцкие байки. Я восхищался этими дикими бродягами, но они также и пугали меня. Что ж, все в Фаринге восхищались ими, но в то же время боялись их, ибо они не были похожи на остальных: им было мало заниматься промыслом вдоль берегов и между морскими скалами, острыми, как зубы акулы. Баркасы и ялики были для них слишком мелкой посудой – они ходили в дальние плавания на самых настоящих парусниках, уносились, оседлав прилив, туда, где еще ни разу не был брошен их якорь.

Ах, я хорошо помню то волнение, которое наполняло маленький прибрежный городок Фаринг всякий раз, когда Джон Калрек причаливал к берегу. Моряк вальяжно спускался по сходням в перепачканной дегтем матросской одежде, а смахивавший на пирата Гнилоуст тоже

крутился где-нибудь неподалеку, держа руку на рукояти ножа, заткнутого за широкий кожаный кушак. Покровительственными возгласами Калрек приветствовал некоторых из ближайших знакомых, и уж точно этот пройдоха целовал всякую девушку, которая подходила к нему достаточно близко. В компании верного Канула он закладывал круг почета по улице, распевая фривольные песни, а подхалимы и бездельники толпились вокруг, точно свита, рассыпаясь в комплиментах и улыбках, приветствуя смехом всякую грязную шутку. Для всех завсегдатаев таверны, потихоньку пропивающих последний разум, Канул и Джон с их рассказами о семи морях и тропических краях были кем-то вроде могучих былинных героев.

И да, все боялись их – настолько, что жители деревни закрывали глаза, когда кто-то из мужчин оказывался избит, а честь чьей-нибудь жены или дочери была поругана. Решительно ничего не предпринимали они, чтобы осадить Канула и Джона. И даже когда Калрек начал приставать к племяннице Молли Фаррел, никто не осмелился сказать то, что давно следовало.

Старуха Фаррел никогда не была замужем – она жила с юной родственницей в маленькой хижине недалеко от пляжа, причем настолько недалеко, что в час прилива волны чуть ли не в дверь им стучали. Жители деревни считали Молли ведьмой; в действительности она была зловещей, изможденной старой каргой, которая особо ни с кем не имела дел. Свой скудный достаток она поддерживала тем, что подбирала выброшенные морем ракушки и замысловатого вида коряги.

Племянница ничем не походила на свою тетку: была она хорошенькой, глупенькой, тщеславной и легко одурачиваемой – иначе она никогда не поддалась бы звонкой и дешевой лести Джона Калрека.

Я отчетливо помню тот день – холодный зимний день с сильным ветром, задувавшим с востока, – когда старуха пришла в деревню и стала всех расспрашивать, не видел ли кто ее родственницу. Весь город рыскал в ее поисках по пляжу и прилегающим бесплодным холмам – все, кроме Джона Калрека и его свиты, которые сидели в таверне, играли в кости и напивались. Все это время из-за каменистой отмели доносился непрекращающийся рев вздымающегося, беспокойного серого чудовища по имени Море; и вот в тусклом свете призрачной зари пропавшая девушка вернулась-таки к нам.

Волны прибоя мягко пронесли ее по мокрому песку и уложили почти прямо перед дверью Молли. Белая она была, как сама невинность, и руки ее покоились скрещенными на неподвижной груди. Ее лицо выглядело донельзя умиротворенным, и серые волны ласкали ее стройную фигуру. Взор Молли Фаррел был тверже камня – она стояла, сгорбившись, над мертвой девушкой, и не говорила ни слова, покуда Джон Калрек и его собутельники не вышли из таверны с кружками в руках. Джон был пьян, и люди уступали ему дорогу с мрачным, растерянным видом.

Морской волк подошел к Молли Фаррел – и лишь посмеялся над ее горем.

– Тысяча островов! – выругался он. – А шлюха-то эта утопиться удумала, Гнилоуст!

Канул Гнилоуст лишь рассмеялся, поджимая тонкие губы. Он всегда терпеть не мог Молли Фаррел – ведь это именно она одарила его однажды столь нелестным прозвищем, которое легко прижилось, несмотря на всю принужденную народную любовь.

Джон Калрек поднял кружку с пивом и пошатнулся на нетвердых ногах.

– Тост за душонку шлюхи! – рявкнул он, и все уставились на него в тихом ужасе.

Наконец Молли Фаррел молвила свое слово – облеченное в крик, от которого у всех свидетелей мурашки пробежали по коже:

– Именем Нептуна, Царя Морей, проклиная тебя, Джон Калрек, – да не упокоиться твоей мерзкой гнилой душе вовек! Желаю тебе в странствиях твоих повидать такое, что от глаз своих захочешь ты отказаться; такое, что на грубом сердце твоём вспыхнет каинова печать! Сдохнуть тебе лютой смертью и корчиться в темной бездне миллионы за миллионами лет! От моря и от суши, от земли и от эфира проклиная тебя – мощью демонов морей и духов болот, горних

чертей и чащобных леших! Метку Смерти помещаю я на твое чело, Джон Калрек, – и жить тебе отныне в страхе, и умереть далеко, среди холодных серых вод! Помни, что море, принявшее в свое лоно эту невинную душу, не захочет держать тебя на плаву – и смердящую твою тушу оно да уткнет обратно, в этот же песок! На холмах сейчас лежит снег, Джон Калрек; прежде чем он растает, твой труп будет у моих ног. Довольно скоро я плюну на него – и в том обрету утешенье!..

Калрек и его спутник на рассвете отправились в очередное дальнейшее плавание, а Молли вернулась в свою хижину и продолжила собирать ракушки. Она исхудала и ожесточилась, а глаза ее сияли почти безумным блеском. Шли дни, и люди шептались друг другу, что душа Молли вот-вот оставит брэнное тело. Однако старуха, держась непоколебимо, отвергала любую предложенную помощь.

Пришло холодное короткое лето. Снег на бесплодных холмах близ Фаринга так и не растаял, что было очень необычно и вызвало многочисленные пересуды у жителей деревни. Молли ходила на пляж на рассвете и на закате, раздраженно глядя на сверкающую белизну на холмах и на море.

Наконец дни снова стали короче, ночи – длиннее и темнее, леденящий серый прибой разбивался о пустынный берег, а пронизывающий восточный ветер приносил к нам дожди и колючие метели.

В один из пасмурных дней в бухту вошел и бросил якорь купеческий корабль. Все бездельники и завсегдатаи таверны тут же явились на пристань, ибо то было судно, на котором Джон Калрек и Канул Гнилоуст отправились в море. Канул спустился по сходням, смахивая на пирата еще сильнее обычного, а вот Джона что-то нигде не наблюдалось.

Канула осыпали вопросами, но тот лишь качал головой и повторял:

– Калрек высадился в порту на Суматре. Он подрался со шкипером, друзья! Я хотел с ним задержаться – да вот подумал: как же мне не навестить таких славных людей, как вы, жители Фаринга!

Канул Гнилоуст почти уже миновал причал – и вдруг попятился, пораженный: Молли Фаррел направлялась к нему через толпу. Мгновение они смотрели друг на друга, затем губы Молли искривились в отвратительной ухмылке.

– Твои руки – в крови, Гнилоуст! – вдруг рявкнула она на него так внезапно, что моряк вздрогнул, уставился на свои ладони – и вытер правую о левый рукав.

– Прочь, карга, прочь! – разгневанно зарычал он, продираясь сквозь мешавшую ему толпу. Его поклонники тут же последовали за ним в таверну.

Я до сих пор помню, что на следующий день снова похолодало. Серые туманы летели с востока, окутывая море и пляжи. В тот день ни один корабль не отплыл, и все жители оставались в своих уютных домах или обменивались историями в таверне. Так случилось, что Джо, мой друг-ровесник, и я стали свидетелями диковинных событий, произошедших в тот день.

Беспечные, как и подобает мальчишкам, мы сели в маленькую весельную лодку и погребли вдоль берега, даже не отвязав фалиня⁴, ибо тот был довольно длинный. Мы оба дрожали от холода, и каждый в душе мечтал, чтобы другой скорее предложил вернуться обратно. У нас не было причины находиться здесь, кроме желания продемонстрировать незнамо кому удаль и мужество да помечтать под плеск воды о том о сем.

Внезапно Джо вскинул руку.

– Ты это слышал? – спросил он. – Кто бы это мог в такой день заходить в бухту?

– Никто. А ты что, услышал что-то?

– Да, весла плещут! Это точно были весла, ну или я – сухопутная крыса. Ты вслушайся!

---

⁴ Фалинь – канат, которым шлюпка привязывается к пристани или к кораблю.

В густом тумане ничего не было видно, да и слышно – тоже. Однако Джо полностью полагался на свои уши – и вдруг на его лице появилось странное выражение.

– Там точно кто-то гребет – по всей бухте плещут, аж до самого пролива! Сдается мне, десятка два лодок – никак не меньше! Ну ты чего, оглох, что ли?

Я честно ничего не слышал, и тогда Джо принялся отвязывать лодку.

– Ты как хочешь, а я сплаваю посмотреть. Уверен: в бухте сейчас полно лодок, и они выстроились в линию, как флот. Если нет – можешь при всех называть меня лжецом. Ну так что, ты со мной?

Конечно, я поплыл с ним – надо же было проверить слух! Мы скользнули в серую мглу, и завесы тумана сомкнулись вокруг нас, да так плотно, что стало казаться, будто весь мир с его звуками и зрелищами навек отрезан от нас – или мы от него, что, в сущности, одно и то же. Мы заблудились в мгновение ока. Я проклинал Джо за то, что он втянул нас в эту бессмысленную авантюру: она наверняка закончится тем, что лодку унесет в море! Я вспомнил о скорбной участи племянницы Молли Фаррел – и вздрогнул.

Не могу сказать, как долго мы так болтались на волнах. Минуты казались часами, часы – веками. Джо упорно клялся, что слышит гребцов. Весла, по его мнению, звучали то совсем рядом, то где-то в отдалении, и он держал курс на их зов, то ослабевающий, то набирающий громкость в его воображении. Позже я много раз вспоминал об этом – и никак не мог объяснить собственную глухоту. Будь там хоть что-то, хоть слабый звуковой ориентир – я бы и отпираться не стал!

Руки мои так занемели, что я с трудом удерживал весло. Когда от холода и усталости мною уже начала овладевать неприятная дремота, когда сквозь окутавшую нас влажную пелену проглянули бездушные белесые глаза звезд – туман как-то вдруг рассеялся, распался на призрачные дымные клочья; мы обнаружили, что плывем очень близко к устью залива. Поверхность воды была гладкой, как в пруду, темно-зеленой и серебристой в свете небес, а холод сделался еще более пронизывающим, чем раньше. Я раскачивал лодку, чтобы повернуть ее назад к заливу, когда вдруг Джо закричал, и я впервые услышал стук уключин. Я оглянулся через плечо, и кровь застыла в моих жилах.

Над нами навис широкий корабельный нос в форме клюва. На фоне звезд он выглядел странно и чуждо. Когда я отдышался, он резко развернулся и пронесся мимо нас со странным свистом – подобного я никогда раньше не слышал ни от одного корабля. Джо начал кричать и яростно грести. Наша лодка отскочила в сторону как раз вовремя, потому что, хотя нос не протаранил нас, огромный борт корабля чуть не стал нашей гибелью. По бокам корабля мы увидели торчащие длинные весла, несущие его по воде. Хотя я никогда раньше не видел такого судна, я знал, что передо мной галера. Но что она делала у нашего побережья? Старые моряки говорили, что варвары-язычники до сих пор выходят в море на таких весельных судах, но до стран, где эти люди живут, – бесчисленное множество долгих и беспокойных морских миль. При этом галера совсем не походила на те корабли, какие часто описывали нам, ребятишкам, кругосветчики.

Мы пустились в погоню за кораблем и, как ни странно, довольно быстро нагнали его, хотя временами чудилось, что галера вот-вот оторвется от вод и воспарит, раскроив очередную накатившую волну острым, как жало, носом. Привязав фалинь к свисающей с кормы цепи вне пределов досягаемости огромных весел, мы принялись громко кричать, выкликая команду. Подождав и не получив никакого ответа, мы побороли страх и, вскарабкавшись по цепи, очутились на палубе, сам вид которой наводил на мысли о давно минувших днях и вызывал в воображении яркие картины кровавых морских битв. Она была совсем пуста...

– Это не варварская галера, – с тревогой пробормотал Джо. – Видишь, на сколько лет она выглядит? Почти разваливается. Она насквозь гнилая!

Ни на палубе, ни на протяженном мостике никого не наблюдалось. Мы подкрались к люку, ведущему в трюм, откинули его и заглянули внутрь. Если кто-то и бывал на грани сумасшествия – в ту минуту это, безусловно, были мы двое. Ибо там на самом деле сидели на гребных скамьях весельники и тащили скрипучие весла по серой воде – но каждый из них представлял собой обчищенный до грязно-белых костей остов скелет!

Мы с криками побежали по палубе и в слепой панике хотели прыгнуть в море. Но, не доскавав до перил, я споткнулся и упал головой вперед. Распластавшись на досках, я увидел нечто такое, что заставило меня на мгновение забыть об ужасном зрелище, увиденном под палубой: я споткнулся о человеческий труп – и в тусклом сером свете, что медленно полз к нам по волнам с востока, увидел, что меж его лопаток торчит рукоятка кинжала.

Джо встал у перил и поторопил меня. Вместе мы скользнули вниз по цепи и отвязали фалинь. Воды несли нашу лодчонку напрямик к бухте; темная галера неудержимо гребла, и мы медленно и изумленно следовали за ней. Казалось, она направляется прямо к берегу рядом с пирсом. Подплыв ближе, мы увидели, что на набережной полно народу. Без сомнения, на суше нас хватились – и бросились искать; теперь же все спасатели застыли в раннем свете хмурого утра, потеряв дар речи при виде призрака, исторгнутого мрачными морскими туманами.

Галера плыла все дальше и дальше, ее весла со свистом вспахивали воду. Не успела она достичь мелководья, как – бац! – бухту сотряс страшный гул. Мрачный корабль тут же начал словно таять на глазах...

В конце концов он исчез, и лишь зеленая рябь кружилась там, где он только что был. Однако его визит к нашим берегам не прошел бесследно: что-то было выброшено на берег – какой-то ужасный груз был доставлен сюда по холодным волнам.

Мы сошли на песок под ропот возбужденных голосов. Но вдруг все замолчали. Молли Фаррел стояла перед своей хижинкой. Ее фигура мрачно возвышалась на фоне призрачного рассвета, указывая на море костлявым перстом. Через отмель что-то плыло, подгоняемое приливом, и это вскоре оказалось у ног старухи. Когда мы собрались вокруг нее, то в волнах прилива увидели труп: два слепых глаза бездумно уставились на нас с объединенного рыбами лица. Джон Калрек все-таки вернулся домой.

Он лежал, неподвижный и отталкивающий, покачиваемый нежными волнами. Когда волны перекатали его на бок, все увидели кинжал, торчащий в его спине, – тот самый кинжал, который мы все тысячу раз видели заткнутым за кушак Канула Гнилоуста.

– Да, это я убил его! – завопил Канул, извиваясь и корчась под нашими осуждающими взглядами. – Стоял мертвый штиль... мы напились со скуки и подрались... и я ударил его ножом в беспамятстве, а как понял, что учинил, – выбросил труп за борт! Но он даже со дна поднялся, чтобы уличить меня! – Голос Канула упал до лихорадочного шепота. – А все из-за проклятия этой карги... из-за него море не смогло удержать... этот... груз!.. – С этими словами негодяй осел на землю дрожа, и тень виселицы уже отражалась в его глазах.

– Да! – сказала Молли Фаррел сильным, низким, торжествующим голосом. – Из ада погибших кораблей Нептун прислал галеру минувших веков! Корабль, красный от крови и замаранный памятью о гнусных преступлениях! Ни одно другое судно не смогло бы взять на борт труп такого мерзкого человечки, столь сильно смердящую падаль! Но проклятие моря свершилось – и моя просьба удовлетворена. А теперь смотри, Гнилоуст, как плюю я в лицо Джона Калрека!

И с торжествующим смехом она подалась вперед – морщинистые губы покраснели от прилившей к ним крови...

Над маетно вздыхающим морем вставало рдяное солнце.

Перевод Г. Шокина

Примечание

Рассказ написан в 1927 году. Первая публикация – журнал “Weird Tales”, май 1928-го. Входит в выделяемый исследователями творчества автора условный подцикл о городке Фаринг, состоящий из еще одного рассказа «Из глубины» (“Out of the Deep”, впервые опубликован посмертно, в 1967 году) и стихотворения «Легенда городка Фаринг» (“A Legend of Faring Town”, впервые опубликовано посмертно, в 1975 году). Тема морских проклятий и «мести из пучины моря» роднит данный подцикл с историями «океанических ужасов» Говарда Филлипса Лавкрафта, но – лишь отчасти. Лавкрафт, зачастую полагавшийся на непознаваемых монстров – эмиссаров моря (а в «Из глубины» действует как раз такой), достаточно редко обращался к фольклорным, едва ли не «быличным» мотивам, которые очевидны в «Проклятии моря» и выделяют данную историю в первую очередь особой самоценной сказовой атмосферой.

Память покойницы

*Додж-Сити, штат Канзас,
3 ноября 1877 года.
Мистеру Уильяму Л. Гордону,
в Антиохию, штат Техас*

Дорогой Билл!

Пишу тебе, потому что у меня такое чувство, будто мне недолго осталось жить на этом свете. Ты, может, удивишься таким словам – ты-то помнишь меня в добром здравии с того дельца по перегону стада. Я ничем не болею сейчас, и все равно сдается мне, что я труп.

Позже объясню, почему я так думаю; сначала о делах. Тогда мы с парнями благополучно добрались до Додж-Сити, стадо в три тысячи четыреста голов доставили в целости и сохранности; наш босс Джон Элстон получил двадцать долларов за голову. Вот только Джо Ричардс, один из наших парней, попал быку на рога недалеко от канадской переправы. Его сестра, миссис Вестфолл, живет недалеко от Седжвина; прошу тебя навеститься к ней и рассказать обо всем. Джон Элстон хочет послать ей все имущество брата – седло, узду, ружье и, само собой, денежные накопления.

Теперь, Билл, расскажу, почему я думаю, что мне пришел конец. Помнишь, в августе прошлого года, перед самым моим отбытием в Канзас со стадом, старика Джоэла – раба полковника Генри – и его жену нашли мертвыми? Они жили у дубравы неподалеку от ручья Завалла. Его супругу звали Иезавель, и в народе ходили слухи, будто она настоящая ведьма. Мол, предсказывала судьбу и все такое. Высокая, статная, с кожей скорее желтоватой, нежели черной, – намного моложе Джоэла, и что она только в этой ветоши нашла? Вот это был интересный вопрос, ну а в байки о ведьмовстве я, ты сам знаешь, не верю. Ну или не верил. До поры.

Когда мы собирали скот в дорогу, на закате я оказался возле ручья Завалла. Моя лошадь устала, а я проголодался – вот и решил завернуть к Джоэлу и попросить его приготовить мне что-нибудь поесть. Я подъехал к его дому посреди дубовой рощи, когда Джоэл колот дрова, а Иезавель тушила говядину на открытом огне. Я помню, что на ней было красно-зеленое клетчатое платье... Вряд ли я это когда-нибудь забуду.

Они попросили меня зажечь свет; я так и сделал, а потом уселся и съел сытный ужин. После этого Джоэл принес бутылку текилы, мы выпили, и я сказал, что могу обыграть его в кости. Он спросил, есть ли у меня кости. Я ответил, что нет, но у него кости нашлись; он предложил играть по ставке в пять центов за ход.

Итак, мы стали играть в кости, пить текилу, и я был сыт до отвала, но Джоэл выиграл все мои деньги – около пяти долларов и семидесяти пяти центов. Это меня разозлило, и я решил уехать, вот только хотел еще выпить на дорожку. Но он сказал, что бутылка пуста. Я велел принести новую бутылку. Джоэл заявил, что больше выпивки у него нет, и я разозлился пуще прежнего, начал ругаться и оскорблять его, потому что был пьян в дым. Иезавель подошла к двери хижины и уговаривала меня ехать с миром, но я сказал ей, что свободен, белокож и молод – мне двадцать один, – так что ей следует поостеречься: я считаю ее хорошенькой и не побрезгую квартеронкой⁵.

Тогда Джоэл разозлился и сказал, что на самом деле у него есть еще немного текилы в хижине, но мне он ее не даст, даже если я буду умирать от жажды. Я разозлился:

– Черт поberi! Ты напоил меня и вытряс мои деньги с помощью крапленых костей, а теперь оскорбляешь меня? Я видал негров, которых вешали и за меньшее.

Он сказал:

– Не имеешь права называть мои кости краплеными, после того как ел мою говядину и пил мою текилу. Ни один белый человек не может так поступить. Я-то не лыком шит, ничуть не хуже твоей породы!

Я сказал:

– Будь проклята твоя черная душа! Выходи, будем драться на кулаках. Я размотаю тебя по всей округе, старый ты пень!

Он сказал:

– Никого ты не «размотаешь», белый человек. – Затем этот сумасброд схватил нож, которым как раз резал говядину, и как побежит на меня! Ну, я выхватил револьвер и дважды ему в живот выстрелил. А когда он упал, я подошел и пальнул еще раз – прямо в голову.

Затем с криками и проклятиями на меня пошла Иезавель со старым дульнозарядным мушкетом наперевес. Она направила его на меня и нажала на спуск, но капсюль лопнул, выстрела не последовало; я закричал, чтобы она отошла, – иначе, мол, угрожаю и ее. Тогда она поперла на меня и замахнулась мушкетом, как дубиной. Я уклонился, и она ударила меня вскользь, поцарапав мне висок, а я приставил пистолет к ее груди и нажал на спуск. Выстрел отбросил ее на несколько футов назад, она покачнулась и упала на землю, прижав руку к груди; между пальцами текла кровь.

Я подошел к ней и стоял, глядя вниз, с пистолетом в руке, ругаясь и проклиная ее, а она подняла голову и сказала:

– Ты убил Джоэла и меня, но, клянусь Богом, ты не будешь жить и хвастаться этим. Я проклиная тебя большой змеей, черным болотом и белым петухом. Уже совсем скоро ты будешь клеймить дьявольских коров в аду, ковбой. Вот увидишь: я приду к тебе в урочное время – когда ты будешь не готов.

Потом кровь хлынула у нее изо рта, она повалилась на спину, и тут я понял, что конец ей пришел. Тогда я от страха протрезвел, сел на лошадь и ускакал. Никто меня там не видел, а ребятам я на следующий день сказал, что рана у меня на голове от низко нависшей ветки дерева – мол, стеганула она меня, когда я на лошади мимо скакал. Никто так и не проведал, что это я убил Джоэла и Иезавель, и я бы тебе сам ни за что не признался – да только, опять же, смысла нет что-то утаивать, когда жить осталось всего ничего.

---

⁵ От лат. quartus, «четверть» – женщина, у которой один из предков во втором поколении (бабушка или дедушка) принадлежал к негроидной расе.

Проклятие Иезавель шло за мной по пятам, нечего было и пытаться уклониться. Пока мы с парнями ехали по тропе, я всю дорогу чувствовал, что меня что-то преследует. Не успели мы добраться до Ред-Ривер, как однажды утром я нашел гремучую змею в своем сапоге, и потом уж все время спал в обуви. Когда мы переправлялись через реку, ее уровень немного поднялся; я ехал верхом, а стадо безо всякой причины начало кружить, и я попал в водоворот. Моя лошадь утонула, и я бы тоже утонул, если б Стив Кирби не швырнул мне веревку и не вытащил из-под этих сумасшедших коров. Потом один из рабочих как-то ночью чистил ружье, и оно выстрелило прямо у него в руках и пробило дыру в моей шляпе. К тому времени все парни уже шутили надо мной и говорили, что я притягиваю беду.

Но все же мы в конце концов перешли канадскую границу одной ясной тихой ночью. Я надеялся, что все неприятности позади, но тут кто-то из парней осадил мустанга и сказал, что из рощицы неподалеку доносятся какие-то странные звуки, будто воет кто-то, и вроде как виден в той стороне мерцающий голубоватый свет, как от молнии. Может, ему это просто почудилось, но внезапно молодых быков охватила такая ярость, что они едва не подняли меня на рога. Их тупые морды замелькали со всех сторон; пришлось прищипорить коня и побить все рекорды скорости южного Техаса. Не будь коня, я бы неминуемо пропал – растоптали бы меня в порошок, и делу конец.

Мне удалось оторваться от их погони, и еще долго я кружил вдалеке, пока парни собирали быков назад в стадо. Вот тогда-то и погиб Джо Ричардс. Быки снова взбеленились безо всякой видимой причины и понеслись прямо на меня. Мой конь дико захрапел и попятился, а затем рухнул на землю вместе со мной. Едва я вскочил на ноги, как перед самым носом увидел огромные рога. Поблизости не случилось даже дерева, на которое можно было бы залезть, так что я попытался выхватить револьвер. Ствол, на беду, застрял в кобуре, так что, пока я возился, Джо накинул на быка лассо – и тут под ним тоже повалилась лошадь. Джо пробовал выпрыгнуть из седла, да ногой увяз в стремях – тут-то бык к нему подскочил и сделал свое черное дело. Кошмарное зрелище вышло, чего и говорить...

Я всадил в непослушную скотину пол-обоймы, но бедолаге Ричардсу это не помогло – в груди у него зияло две чуть ли не сквозные дырки от рогов. Мы завернули его в пончо и упокоили под деревом, на котором Джон Элстон своим мачете вырезал его имя и дату смерти.

После этого случая парни уже не шутили про мою способность притягивать неудачи. Они почти не разговаривали со мной, и я держался в стороне – хотя, видит Господь, в случившемся не было моей вины.

Ну, мы добрались до Додж-Сити, продали бычков. А прошлой ночью мне приснилось, что я вижу Иезавель – так же ясно, как вижу пистолет на своем бедре. Она улыбалась этак по-бесовски и говорила что-то, чего я не мог понять, но она указывала на меня... думаю, ясно, что это значит.

Билл, ты меня больше никогда не увидишь. Я мертвец. Не знаю, как я умру, но чувствую, что не доживу до нового восхода солнца. Так что пишу тебе это письмо, чтобы поведать о том, что со мной стало, и о том, что я был дурак дураком. Впрочем, человек, похоже, обречен блуждать в потемках, и никаких изведанных путей для него не проложено.

В любом случае, что бы со мной ни случилось, я буду твердо стоять на ногах, с полной обоймой наготове. Я никогда не страшился живых – значит, и мертвых не боюсь. Я выхожу на бой с тенью – и будь что будет. Я не застегиваю кобуру, а револьвер чищу и смазываю каждый день. Порой кажется, Билл, будто чердак мой вконец протек, но это наверняка из-за слишком частых мыслей об Иезавели – как и сон тот... В общем, я пустил на тряпки твою старую рубашку – помнишь, ты на прошлое Рождество купил в Сан-Антонио рубашку в черно-белую клетку? Так вот, когда я чищу этими тряпками револьвер, порой мерещится, что они не черно-белые. Они выглядят красно-зелеными, как раз под цвет платья, которое было на Иезавели, когда я ее убил.

Твой брат Джим.

ПОКАЗАНИЯ ДЖОНА ЭЛСТОНА, 4 НОЯБРЯ 1877 ГОДА

Меня зовут Джон Элстон. Я бригадир на ранчо мистера Джея Коннолли в округе Гонзалес, штат Техас; Джим Гордон числился в моей бригаде. Я жил с ним в одном номере в гостинице. Утром третьего ноября он выглядел угрюмым и мало разговаривал. Он не хотел общаться со мной, но сказал, что собирается написать письмо.

Больше я не видел его до той ночи. Я зашел в комнату, чтобы что-то взять, а он чистил свой «кольт» 45-го калибра. Я рассмеялся и в шутку спросил его, не боится ли он Летучую Мышь Мастерсона⁶, и он сказал:

– Джон, если я кого и боюсь, то эту заразу уж не застрелишь – а я все равно собираюсь стрелять, усек?

Я рассмеялся и спросил его, чего же он так боится, и он ответил:

– Девчонки, которая умерла четыре месяца назад.

Я подумал, что он пьян, и убрался восвояси. Не знаю, сколько было времени, но уже стемнело, это точно. Больше я не видел его живым. Около полуночи я проходил мимо салуна «Биг Чиф»; там грохнул выстрел – народ тут же повалил внутрь. Кто-то сказал, что застрелили какого-то парня. Я вошел вместе с остальными и прошел к черному ходу. В дверном проеме лежал мужчина, ноги его были в переулке, а торс – поперек порога. Он был весь в крови, но по телосложению и одежде я узнал Джима Гордона. Он был мертв. Я не видел, как его убили, и не знаю ничего сверх того, что уже сказал.

ПОКАЗАНИЯ МАЙКА О'ДОННЕЛЛА

Меня зовут Майкл Джозеф О'Доннелл. Я работаю барменом в салуне «Биг Чиф» в ночную смену. За несколько минут до полуночи я заметил ковбоя, который разговаривал с Сэмом Граймсом недалеко от салуна. Казалось, они спорили. Через некоторое время ковбой вошел и выпил виски в баре. Я обратил на него внимание, потому что у него был револьвер на виду, в то время как никто больше не светил оружием. Ну и еще отчасти потому, что у него видок был так себе – диковатый, зашуганный. Он выглядел так, будто напился, да только я не думаю, что он был пьян. Я никогда не видел человека, который выглядел бы так же странно, как он.

После этого я не обращал на него особого внимания, так как был занят обслуживанием бара. Он, должно быть, пошел дальше в игорный зал. Около полуночи я услышал там выстрел; Том Эллисон выбежал и сказал, что застрелен человек. Я первым подбежал к нему. Он валялся там поперек порога черного хода. Я увидел, что на нем был ремень с пистолетом и мексиканская резная кобура, и решил, что это тот самый тип, которого я заметил раньше. Его правая рука была практически оторвана – настоящее месиво, – а голова разбита; мне никогда не приходилось видеть, чтобы револьверная пуля наносила такие увечья. Думаю, умер парень быстро. Пока мы стояли вокруг него, человек, которого я знаю как Джона Элстона, прошел через толпу и сказал:

– Бог ты мой, да это же Джим Гордон!..

ПОКАЗАНИЯ ГРАЙМСА, ПОМОЩНИКА ШЕРИФА

Меня зовут Сэм Граймс. Я заместитель шерифа округа Форд, штат Канзас. Я встретил покойного, Джима Гордона, перед салуном «Биг Чиф» третьего ноября, примерно в 23:40. Я увидел, что у него пристегнут револьвер, остановил его и спросил, зачем он им так светит,

---

⁶ Уильям Барклай Мастерсон по прозвищу Летучая Мышь – американский страж закона времен Дикого Запада, скаут армии, игрок в покер, охотник на бизонов, рыбак, спортивный журналист.

и напомнил, что это у нас противозаконно. Он ответил, что носит его для защиты. Я сказал, что если ему угрожает опасность, то мое дело защитить его, а ему лучше отнести оружие в гостиницу и оставить его там, пока он не будет готов уехать из города, потому что по его одежке ясно было, что он форменный техасский ковбой. Он тогда засмеялся и сказал:

– Помощник шерифа, даже Уайатт Эрп⁷ не смог бы защитить меня от судьбы!

Я решил, что парень с головой в разладе, и не стал его арестовывать. Пускай, решил, выпьет, а потом к себе пойдет и угомонится, авось и пушку припрячет, как я ему советовал. Ну, некоторое время последил за ним, конечно – убедился, что он ни к кому в салуне не пристает, – но парень взял выпивку и пошел один в игорный зал.

Через несколько минут выбежал мужчина, крича, что кого-то убили. Я направился в зал и оказался там как раз в тот момент, когда Майк О'Доннелл наклонился над человеком, в котором я узнал того самого ковбоя. По-видимому, револьвер взорвался в его руке. Уж не знаю, в кого он там собирался палить. Выглянул на улицу – ни души. Никто не увидел, как все произошло, – ну разве что Том Эллисон. Я тщательно собрал все, что осталось от револьвера, и передал на исследование коронеру – так что меня тут не в чем упрекнуть, с какой стороны ни взгляни!

ПОКАЗАНИЯ ТОМАСА ЭЛЛИСОНА

Меня зовут Томас Эллисон. Я работаю в компании «Макфарлейн и партнеры». В ночь на 3 ноября я был в салуне «Биг Чиф». Я не заметил ковбоя, когда он вошел. В салуне было много мужчин. Я выпил несколько рюмок, но не был пьян. Я увидел Гризли Гуллинса, охотника на бизонов; он топал ко входу в салун. У меня были с ним разногласия, и я знал, что он в целом плохой человек, пьяница и дебошир, а так как мне неприятностей в тот вечер совсем не хотелось – решил тихонько уйти из «Чифа» черным ходом.

Я прошел через игорный зал и увидел мужчину, который сидел за столом, положив голову на руки. Я не обратил на него внимания, направился сразу к задней двери, которая была заперта изнутри. Я поднял засов, отворил и вышел наружу.

На улице я увидел женщину, стоявшую перед входом. Свет, проникавший в переулок через открытую дверь, был тусклым, но я разглядел, что это негритянка. Не помню, как она была одета. Она была не черной как сажа, а со светло-коричневой или даже желтоватой кожей, это точно. Я был так удивлен, что остановился, а она обратилась ко мне и сказала:

– Иди скажи Джиму Гордону, что я пришла за ним.

Я спросил:

– Кто ты, черт возьми, такая и кто такой Джим Гордон?

На что она ответила:

– Мужчина, что сидит сейчас за столом один-одинешенек. Скажи ему, что я пришла!

Я похолодел от страха – не могу сказать почему. Я повернулся, вернулся в помещение и окликнул типа за столом:

– Вы Джим Гордон?

Он поднял голову, и я увидел, что его лицо бледное и изможденное.

– Кто-то хочет вас видеть, – сказал я.

– И кто же? – решил уточнить он.

– Высокая женщина-мулатка – там, на улице, – пояснил я.

При этих моих словах он поднялся со стула, опрокинув его вместе со столом. Я решил, что он сошел с ума, – и отступил от него. Его глаза были дикими. Он издал придушенный крик и бросился к открытой двери. Я видел, как он выглянул в переулок, и мне показалось, что я

---

⁷ Уайатт Эрп (1848–1929) – американский страж закона и картежник времен освоения американского Запада. Получил широкую известность благодаря книгам и кинофильмам в жанре вестерн.

услышал смех из темноты. Затем он снова закричал, выхватил пистолет и бросился на кого-то, кого я не мог разглядеть.

Последовала вспышка, ослепившая меня, и ужасный грохот, а когда дым немного рассеялся, я увидел, что он лежит в дверях весь в крови. Правую руку ему разорвало, и что-то в голову прилетело: пробило череп до самых мозгов. Я побежал ко входу в салун, крича бармену. Не знаю, стрелял ли он в ту женщину или нет – и стреляли ли в него в ответ. Говорю, я услышал только один выстрел – а потом его револьвер разлетелся вдребезги.

ОТЧЕТ КОРОНЕРА

Мы, присяжные коронера, проведя дознание останков Джеймса Гордона из Антиохии, штат Техас, вынесли вердикт о смерти от случайного огнестрельного ранения, вызванного взрывом оружия в руке покойного. Револьвер, который покойный держал в руке, разорвался из-за того, что Гордон после чистки забыл извлечь ветошь из ствола. В оторванном стволе найдены обгоревшие клочки хлопчатобумажной ткани. С уверенностью можно сказать, что это обрывок женского платья в красно-зеленую клетку.

Подписи:

Дж. С. Ордли, коронер,

Ричард Донован,

Эзра Блэйн,

Джозеф Т. Декер,

Джесек Уилтшиоу,

Александр У. Уильямс.

Перевод Г. Шокина

Примечание

Рассказ написан в 1933 году. Первая публикация – журнал “Argosy”, август 1936-го. Входит в выделяемый исследователями творчества автора условный подцикл «Сверхъестественный Юго-Запад».

Американский писатель, поклонник и популяризатор творчества Роберта Говарда Лайон Спрэг де Камп правильно замечает в одной из своих статей: «Если Роберт Говард и был расистом, то по меркам своих времени и места он был сравнительно мягким расистом». В пользу данного тезиса Гэри Ромео, автор статьи «Измышляя Говарда» (“Fictionalizing Howard”, 2010), приводит именно рассказ «Память покойницы», в котором не в меру вспыльчивый ковбой приходит к ужасному концу от рук чернокожей женщины, мужа которой он застрелил. Знание Ромео истории как Говарда, так и Техаса позволяет ему дать сочувственную, но взвешенную интерпретацию этой довольно противоречивой стороны автора.

Могилы не надобно

Стук моего старомодного дверного молотка зловещим эхом разнесся по всему дому, пробудив меня от беспокойного, охваченного кошмарами сна. Я посмотрел в окно. Джо Конрад – мой друг, на чье лицо падал угасающий свет заходящей за тучи луны, делая его неестественно белым, – смотрел на меня.

– Можно к тебе, Кирован? – Его голос звучал напряженно.

– Конечно! – Я услышал, как он поднимается по лестнице. Едва я успел надеть халат, как он уже стоял передо мной; включив свет, я увидел, что его руки трясутся, а сам он бледен как смерть – даже безо всяких лунных подсветок.

– Старый Джон Гримлан умер час назад, – проговорил он.

– Серьезно? Я и не знал, что он заболел.

– Его разбил припадок – почти как эпилептический, если не сильнее. Он страдал от этих внезапных приступов уже несколько лет, ты разве не знал?

Я кивнул. Я кое-что слышал о старике, который жил отшельником в большом темном доме на холме. Однажды я даже был свидетелем одного из таких припадков: он корчился, выл, стонал и извивался на земле раненой змеей, извергая дикие проклятия и богохульства, пока его голос не сорвался в безмолвный крик и пена не брызнула изо рта. Тогда я понял, почему люди верили, что такие бедняги одержимы демонами.

– Это у него наследственное было, – продолжал Конрад. – Доброму старому Джону, видать, от какого-то далекого предка перепал подарочек – так иногда случается. Ну или не в этом дело – слышал же, старик по молодости скитался в далеких краях, исходил вдоль и поперек весь Восток. Вполне возможно, где-то там заразил и подхватил. Что на Востоке, что в Африке до сих пор полно неизученных болезней.

– Ты так и не сказал, что тебя привело ко мне в такое время, – уже ведь за полночь!

Мой друг казался совершенно сбитым с толку.

– Ну, Гримлан умер в одиночестве – с ним не было никого, кроме меня. Он отказался от медицинской помощи. В его последние минуты я хотел все же пойти за помощью, но он так ужасно плакал и кричал, что я не мог отказать ему в мольбах – он не хотел меня отпускать, не хотел остаться без единой живой души рядом. Я видел, как умирали другие люди... – Конрад

вытер испарину с бледного лба, – но смерть Джона Гримлана – это самая ужасная кончина из всех, засвидетельствованных мною.

– Он долго страдал?

– Он, безусловно, переживал сильную физическую боль, но она как бы поглощалась какой-то чудовищной психической мукой. Боль в его вытаращенных глазах и сумасшедшие крики выходили за рамки любого мыслимого ужаса. Поверь, Кирован, испуг Гримлана был больше и глубже той боязни загробного мира, которую обычно демонстрирует на смертном одре любой, кто когда-либо был в чем-то виновен.

Я неловко переступил с ноги на ногу. Зловещий смысл этих слов ничего хорошего не сулил; у меня невольно пробежал по коже мороз.

– Я знаю: жители деревни всегда говорили, что он продал душу дьяволу в молодости и что его внезапные эпилептические припадки были лишь видимым признаком власти, которую Сатана имел над ним... но эти разговоры – просто вздор прямиком из Средних веков. Все мы знаем, что жизнь Джона Гримлана была наполнена насилием и злобой даже в его последние дни. Его ненавидели и боялись все по уважительной причине – не знаю, сделал ли он хоть когда-нибудь что-нибудь хорошее. Ты был его единственным другом, – заметил я.

– И это была странная дружба, – сказал Конрад. – Меня привлекала его необычная сила. Несмотря на свой лютый нрав, Джон Гримлан был высокообразованным человеком. Он полностью посвятил себя изучению оккультизма – так я с ним и познакомился (тебе известно, что я очень интересуюсь этой областью исследований). Но и здесь, как и в прочих делах, Гримлан предпочитал самые темные и скверные стороны – поклонение дьяволу, вуду, анималистические культы. Он обладал поистине обширными и зловещими познаниями в этих темных искусствах и науках. Слушая, как он пересказывает свои опыты на данной ниве, я не мог не испытывать ужас и гадливость – будто по мне ядовитая гадина проползла! Не было таких запретных вод, в которых не замочил этот человек пят, хотя о некоторых вещах он говорил лишь намеками. Да, Кирован, легко смеяться над историями о потустороннем, когда их рассказывают при свете солнца и в приятной компании. Но если бы ты долгими часами сидел в безмолвной и диковинной библиотеке Гримлана, глядя на древние заплесневевшие тома и слушая его жуткие повествования, твой язык прилип бы к нёбу, как было со мной, и все сверхъестественное показалось бы тебе реальным и близким!

– Бога ради, Джо! – воскликнул я, раздраженный его драматизмом. – Лучше вернись к началу и скажи, чего ты хочешь от меня!

– Я хочу, чтобы ты пошел со мной в дом Джона Гримлана и помог мне выполнить его возмутительные инструкции относительно участи тела.

Я был не в настроении для приключений, но оделся наспех, временами дрожа от страшных предчувствий. Одевшись, я последовал за Конрадом; мы прошли по мертвой тихой улице, которая вела к дому Джона Гримлана. Дорога шла в гору, и всякий раз, глядя вверх или вперед, я видел большой темный дом, сидящий на холме, как злобная птица, – черный и неподвижный, почти полностью закрывающий звезды. На западе, где серп луны недавно скрылся за низкими черными холмами, еще сияло одинокое бледно-красное пятнышко. Зло, казалось, таилось повсюду в ту ночь, и постоянный шелест крыльев летучих мышей над головой заставлял меня вздрагивать, бередя мои несчастные нервы.

Сквозь стук собственного сердца я спросил:

– Ты тоже думаешь, что Гримлан был просто... сумасшедшим?

Мы прошли еще несколько шагов, прежде чем Конрад – как ни странно, с очевидной неохотой – ответил:

– Если не считать одного инцидента, я бы сказал, что ни один человек не владел своим разумом лучше, чем Гримлан. Но однажды ночью – дело было в его кабинете – он вдруг будто сошел с ума. Он часами говорил на свою любимую тему – черная магия, – когда его лицо вдруг

покрылось зловещим румянцем. Он зарычал: «Почему я сижу здесь и мелю всю эту детскую чепуху? Ритуалы Синто – пернатые змеи – культы вуду, что приносят в жертву младенцев, “безрогих козлят” – культы черного леопарда – ба! Все это лишь прах, который сдует ветер! Они ничто по сравнению с поистине неизведанным – с глубинными тайнами! Ничто, кроме слабого эха из самых недр! Я мог бы рассказать тебе такие вещи, которые взорвут твой жалкий мозг! Мог бы нашептать тебе на ухо имена, которые иссушили бы тебя, как сгоревшую травинку! Что ведомо тебе о Йог-Сототе, Ктулху и их безымянных городах? Ни один подобный *номен* не принадлежит ни к одной известной тебе мифологии. Даже во сне ты никогда не видел черных циклопических стен Кофа, не дрожал от ядовитых ветров, дующих на Югтоте! Но я не стану вываливать на тебя весь объем убийственных знаний, что мне ведомы. Я не вправе ожидать, что твой ребячий мозг усвоит все, что улавливаю я. Пожил бы ты с мое, повидал бы с мое – падение империй, смерть поколений, – было бы о чем говорить». Его все больше сносило в дебри памяти, безумный взгляд едва ли делал его похожим на благоразумного джентльмена. Однако, поняв мое явное замешательство, он вдруг разразился ужасным, раскатистым смехом. «Боже, – воскликнул он глухим, каким-то совершенно ему не свойственным голосом, – я тебя напугал, да? Но это и неудивительно – в тонком искусстве науки о жизни ты не более чем голый дикарь. Ты думаешь, я стар, да? Ха! Ты, негодяй, упадешь замертво, если я скажу тебе, сколько поколений людей я застал». В эту минуту мне стало так страшно, что я выбежал из его темного дома – и пронзительный, бесноватый гогот старика еще долго преследовал меня. Через несколько дней я получил письмо, в котором он извинялся за свое поведение и прямо – подозрительно прямо – винил в нем злоупотребление гашишем. Я не поверил ни единому его слову, но после некоторого колебания возобновил наши дружеские отношения.

– Звучит как совершеннейшее безумие, – пробормотал я.

– Так и есть, – нерешительно сказал Конрад. – Но, Кирован... ты когда-нибудь встречал человека, знававшего старика Гримлана в его молодые годы?

Я отрицательно покачал головой.

– Я приложил некоторые усилия, чтобы разузнать о нем, не привлекая внимания, – сказал Конрад. – Он живет здесь уже почти двадцать лет – не считая этих его таинственных отлучек, когда он месяцами не появлялся дома. Старожилы до сих пор живо помнят, как он приехал сюда и выкупил старый дом на холме, и все они твердят, что он заметно не постарел за эти годы. Когда он попал сюда, то выглядел как мужчина лет пятидесяти, точно так же, как сейчас, – до самой смерти! Я встретил в Вене старого фон Бенка, который знал Джона Гримлана пятьдесят лет назад, во время учебы в Берлине. Он был удивлен, что старик еще жив, – сказал, что Гримлану и тогда было на вид около пятидесяти лет!

Я недоверчиво рассмеялся, когда понял, что имел в виду Конрад.

– Ну и вздор. Профессору фон Бенку самому за восьмой десяток перевалило. В таком возрасте люди частенько путаются в фактах. Он просто спутал его с кем-то другим. – Пусть эти слова и звучали разумно, на сердце у меня скребли кошки, а волосы на затылке дыбом вставали.

– Быть может. – Конрад развел руками. – А, вот мы и на месте!

Впереди и впрямь зловеще высилась громада особняка. Когда мы подошли к входной двери, порывистый ветер пронесся со стоном сквозь деревья, растущие неподалеку, и снова я вздрогнул, едва заслышав, как хлопчет где-то крыльями нетопырь. Конрад вставил большой ключ в старинный дверной замок; когда мы ступили за порог, мимолетный сквозняк прошел над нами – затхлый и ледяной, будто из-за двери склепа, – нагоняя мурашки.

Мы пробрались через затемненное фойе в кабинет, где Конрад зажег свечу, потому что в доме не было ни газового, ни электрического освещения. Я огляделся, заранее боясь того, что могу увидеть при свете свечи, но комната, украшенная тяжелыми гобеленами и мебелью причудливой восточной отделки, была пуста, если не считать нас двоих.

– Где же... где тело? – спросил я хриплым шепотом – у меня пересохло в горле.

– Наверху, – тихо ответил Конрад. Таинственная тишина дома нервировала и его. – В библиотеке... там он и умер.

Невольно я посмотрел на потолок. Где-то над нашими головами в своем последнем сне лежал одинокий хозяин этого дома, совершенно неподвижный, чье белое лицо застыло в ухмыляющейся посмертной маске. Я запаниковал и изо всех сил пытался не потерять контроль над своими чувствами. Это всего лишь труп старца с дурным нравом, который больше никому не сможет причинить вреда... но этот аргумент показался откровенно жалким – как слова испуганного ребенка, подбадривающего себя.

Я повернулся к Конраду. Он вынул из внутреннего кармана пожелтевший конверт.

– Это, – объявил он, вынимая из конверта несколько плотно исписанных страниц пожелтевшего пергамента, – фактически последние слова Джона Гримлана, хотя Бог знает сколько лет назад он их написал. Он вручил мне этот конверт десять лет назад, сразу после того, как вернулся из Монголии. Вскоре после этого у него случился первый припадок. Он дал мне этот конверт запечатанным и заставил поклясться, что я буду хорошо его прятать и не открою, покуда он не умрет. Только тогда я должен буду прочитать написанное там и точно последовать его инструкциям. Более того, Гримлан заставил меня пообещать, что, независимо от его слов или действий после передачи мне конверта, я не отступлю от нашего первоначального соглашения. «Потому что, – промолвил он тогда с тревожной улыбкой, – плоть слаба. Я человек слова, и даже если в минуту слабости захотел бы все нарушить – поздно уж, назад пути нет. Ты, может статься, никогда не уразумеешь всех причин, но ты должен сделать так, как я тебе повелел».

– И?..

– Что ж, – Конрад снова вытер пот со лба, – этой ночью он бился в агонии, и безумные его вопли перемежались гневными приказами – мол, принеси конверт и сожги у меня на глазах! Он выл, приподнимаясь на локтях, и страшно проклинал меня, его глаза были полны ужаса, седые волосы вставали дыбом... ох, ну и натерпелся я рядом с ним! Да, он просил меня уничтожить это письмо, не открывая. Один раз в этом бреде он даже выдал, что мне нужно расчленить его труп и разбросать на все четыре стороны!

С моих пересохших губ невольно сорвался испуганный возглас.

– Наконец, – продолжил Конрад, – я сдался. Вспоминая его предупреждение десятью годами ранее, я сначала стоял на своем, но в конце концов, когда старик сорвался на дикий, отчаянный визг... да, я повернулся и пошел за конвертом, хоть это и значило бросить его одного. Когда я вернулся, Гримлан содрогался в последних ужасных конвульсиях. Алая от крови пена сползала изо рта старца, и в судорожном спазме жизнь покинула его несчастное, изломанное страданиями тело.

Конрад развернул листки пергамента.

– Я сдержу свое обещание. Может, все эти инструкции и составлены сумасшедшим. Может, они – лишь капризы спутанного ума. Но я дал слово! Итак... я должен положить его труп на большой стол из черного дерева в библиотеке и поставить вокруг семь горящих черных свечей. Двери и окна должны быть плотно закрыты и заперты. Затем, незадолго до рассвета, когда еще темно, я должен прочитать формулу или заклинание, содержащееся в еще одном, маленьком, запечатанном конверте – вложенном в этот, основной. И этот маленький конверт я пока еще не открывал.

– Это все? – спросил я. – Ничего о том, что делать с его состоянием, этим имуществом или его телом после этого?

– Ничего. В своем завещании, которое я также видел, он передает свое имущество и состояние одному восточному джентльмену по имени Мелек Таос!

– Что? – вскричал я, потрясенный до глубины души. – Конрад, это верх безумия! Ни один нормальный человек никогда не носил это имя! Мелек Таос – это ужасный бог, и ему поклоняются таинственные езиды, живущие на проклятой горе Аламаунт. Говорят, восемь их латунных городов-башен возвышаются в неизведанных пустынях глубинной Азии. Их жертвенным символом был латунный павлин. А мухаммадины, которые ненавидят их как дьяволопоклонников, говорят, что Мелек Таос есть источник зла в мире – он Принц Мрака, Ариман, древний Змий и воплощение Сатаны! И ты говоришь, что Гримлан называет имя этого мифического отродья в своем завещании?

– Это правда. – У Конрада пересохло в горле. – Взгляни... на полях этого пергамента старик нацарапал кое-что совсем уж странное: «Мне могилы не надобно – о теле моем позаботятся иным способом»!

И снова я содрогнулся от волны нутряного холода.

– Бога ради, – выпалил я почти в бешенстве, – давай покончим с этим делом – мне от этого дома чертовски не по себе делается!..

– Да, думаю, нам не помешало бы выпить, – сказал Конрад, облизывая губы. – Если я правильно помню, где-то тут Гримлан хранил свое вино... – Он нагнулся к дверце искусно вырезанного шкафа из красного дерева и с трудом открыл ее. – Нет, здесь вина нет, – бросил он разочарованно. – Эх, вот всегда, когда мне хочется чем-нибудь взбодриться... так, а это еще что? – Он достал из шкафчика пожелтевший свиток пергамента, наполовину покрытый паутиной. Все в этом доме действовало мне на нервы. Все было пронизано таинственным, неочевидным смыслом в этих стенах. Но именно поэтому, когда Конрад развернул свиток, я бесстрашно склонился над его плечом: тайны – не тот материал, который ирландский сын Кирован готов просто так упустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.